

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
ОАО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Год экологии в России	1
	Андрей Гостев. Интересное рядом	8
Главный редактор	ПРОБА ПЕРА	
Ю.И. Кочетков	Татьяна Ачкасова. Стихотворение	14
	Артём Медников. У Бабы-яги	15
Редакционная коллегия:	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
С.В. Винокурова	Надежда Пантелеева. Стихи	18
В.З. Денискина	Алексей Апухтин. Стихи	20
Г.С. Еремеев	АЗ, БУКИ, ВЕДИ	
И.Н. Зарубина	Наталья Волкова. Стихи	34
О.В. Клековкина	Сергей Георгиев. Кошачье заклинание, или Друг перелётных воробьёв	38
Ю.И. Котов	Маша Лукашкина. Хорошие и плохие, или Альбом хороших людей	48
В.В. Кулешов	Александр Панков. По следам Василия Ерошенко	69
И.И. Семёнова	Василий Ерошенко. Четыре маленькие весенние зарисовки	85
Г.А. Смирнов	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ	
А.В. Тимофеев	Лариса Шевцова. Урок № 13	89
А.П. Торопцев		
О.В. Шевкун		

ГОД ЭКОЛОГИИ В РОССИИ

2017 год объявлен в Российской Федерации годом экологии. А что такое экология? Это слово можно услышать так часто и в таких разных контекстах, что не всегда понятно — а что же на самом деле имеется в виду? В магазинах нам предлагают экологически чистые и экологически безопасные(!) продукты, правда, цена на них существенно выше, чем на «опасные». На упаковке чая производитель пишет, что собран он в экологически чистом месте. Продавец мебели, изготовленной по современным технологиям, не предполагающим использования древесины, рассказывает покупателям об абсолютной экологической чистоте своего товара. Психологи озабочены экологией души личности. Менеджеры по связям с общественностью в крупных компаниях, особенно нефте- и газодобывающих, трудятся не покладая рук, чтобы создать им безупречный «зелёный» имидж. Во многих странах существуют «зелёные» политические партии. И у них много сторонников.

Экология — очень модное слово. Но мода на него возникла не случайно: назревший экологический кризис сделал важным всё, что связано со взаимоотношениями человека и природы. Но от частого и не всегда уместного употребления само слово как бы «затирается», теряет своё первоначальное и важное значение, и складывается превратное представление, что экология — это не очень серьёзная наука. Поинтересуйтесь у своих знакомых, понимают ли они разницу между экологией и охраной природы, или полагают, что промышленные отходы и дым из труб химического завода — это единственная проблема экологов.

Так что же такое экология? Ответ на этот вопрос можно найти, вспомнив историю развития этой молодой науки. Экология как самостоятельная наука зарождалась как раздел биологии, изучающий взаимоотношения организмов со средой их обитания. Термин «экология» предложил в 1866 году немецкий естествоиспытатель и философ Эрнст Геккель (1834 — 1919). Он сложил два греческих корня: «ойкос» — «обиталище» и «логос» — «наука». То есть наука о взаимоотношениях организмов со средой их обитания. Новый термин оказался весьма удачным и скоро получил признание и широкое распространение среди биологов.

Существует множество определений экологии, самое короткое звучит так: экология — это наука о взаимоотношениях организмов между собой и с окружающей их неорганической средой; о связях в надорганизменных системах, о структуре и функционировании этих систем.

А если проще, то экология изучает отношения организмов со средой их обитания, между которыми возникает множество разнообразных связей; благодаря им организмы существуют в природе не как случайные и хаотичные скопления, а образуют определённые сообщества — популяции, биоценозы, экосистемы, то есть надорганизменные системы.

Всё живое на Земле организовано в экосистемы. Биосфера в целом — это тоже экосистема высокого уровня, поэтому и человек также оказывается включённым в многочисленные экологические взаимосвязи. Экология — это наука о взаимосвязи всего живого: между организмами (включая пищевые и непищевые); между организмами и средой их обитания; взаимосвязи внутри экосистем.

В современной науке происходят интересные и как будто бы взаимно исключающие процессы: с одной стороны, отдельные науки разделяются на множество узко специализированных направлений, а с другой, происходит интеграция наук, то есть многие научные исследования проводятся на стыке разных научных знаний, и в результате возникают новые науки. На стыке экологии и других научных дисциплин — медицины, педагогики, юриспруденции, химии, технологии, агрономии и так далее — рождаются новые научные направления. И экология выходит за рамки чисто биологической отрасли знаний.

В экологии выделяют экологию различных систематических групп (экология грибов, экология растений, экология различных семейств животных); природных сред (моря, почвы, леса и т.п.); эволюционную экологию (связь эволюции видов и сопутствующих экологических условий), прикладные направления (медицинское, сельскохозяйственное, промышленное). Полный список будет очень длинным, но не полным, если не упомянуть о таком особом разделе, как социальная экология — то есть экология человеческого сообщества, изучающая взаимоотношения социума и природы.

После того как мы разобрались, что такое экология, не будет лишним развести экологию и некоторые другие науки и понятия, которые часто смешиваются, создавая невероятную путаницу.

К экологии иногда ошибочно относят ряд дисциплин. Природопользование и охрана природы не являются разделами экологии. Но в последнее время стало очевидно, что нельзя правильно организовать ни то, ни другое, не применяя экологических методов и не ис-

пользуя знания законов экологии. Только знание о взаимосвязи природных объектов, об особенностях устойчивого функционирования природных систем может определить возможные способы взаимодействия с ними. Этим и объясняется справедливый всеобщий интерес к экологии как науке о взаимосвязях живых организмов и окружающей их среды.

В России назрело много экологических проблем, требующих скорейшего решения. Годом экологии назначен 2017. Но это только начало, за один год со всеми намеченными задачами вряд ли реально справиться, а вот начать решать самые актуальные, разработать чёткую экологическую программу на будущее, обратить внимание общества на проблемы экологии — очень даже возможно. Тем более что средства выделены немалые — бюджет Года экологии превышает 347 млрд. рублей.

Первоочередная экологическая задача страны — это урегулирование обращения с отходами. Заняться есть чем — от ликвидации нелегальных свалок и введения системы сбора ртутьсодержащего мусора и использованных батареек до переоснащения производств и внедрения «зелёных» технологий переработки и уничтожения отходов.

Планировалось, что уже с 1 января 2017 года мусор будут собирать, перевозить, обрабатывать и утилизировать с учётом видов и классов опасности отходов, их объёма, происхождения и других факторов. Увы, многие регионы к «мусорной реформе» оказались не готовы. Переход на новую систему отложили до 1 января 2019 года, а пока новая система утилизации отходов будет введена только в 12 пилотных регионах. Среди них Бай-

кал, Алтай, Липецкая, Нижегородская, Белгородская, Волгоградская, Томская и Кировская области, Татарстан и другие.

По данным экологов в России свыше 20 тысяч стихийных нелегальных свалок. За ними никто не следит, и отходы бесконтрольно гниют. В Год экологии планируется ликвидация свалок в Тульской, Липецкой областях, Санкт-Петербурге и Чебоксарах. Намечена рекультивация мусорных полигонов в Московской, Брянской, Новгородской и Нижегородской областях, в Мурманске и его области, в Карачаево-Черкесии, Крыму, Бурятии и в Челябинске.

В 2017 году должны быть построены 6 мусороперерабатывающих и 6 мусоросжигательных заводов. В Алтайском крае переработают вышедшие из употребления пестициды, а в Псковской области займутся их безопасным хранением. В Мурманской области построят базу для хранения особо опасных отходов.

Минприроды создаст специальный веб-ресурс — «народную» карту свалок, на которой можно будет отметить местоположение бесконтрольного мусорного полигона и проследить, как идёт его устранение.

Ещё один важный пункт экологической программы 2017 года — это устранение последствий загрязнения окружающей среды нефтью в Татарстане, Чечне и Бурятии, а также ликвидация человеческих «следов» в Арктике.

Министерство природных ресурсов и экологии планирует создать в 2017 году 11 новых особо охраняемых природных территорий: национальные парки в Ульяновской, Мурманской, Челябинской областях, Карелии, Якутии и Ставропольском крае, заповедники в

Томской и Новосибирской, Ленинградской областях, а также федеральные заказники в Архангельской области и Якутии. Кроме того, будут расширены национальный парк «Русская Арктика» и Кавказский государственный биосферный заповедник.

Год экологии будет богат и на новые тематические проекты: по охране Байкала и восстановлению экосистемы Волги.

Включённый в Список всемирного наследия ЮНЕСКО Байкал станет одной из главных экологических тем в 2017 году. Помимо того, что в регионе запланировано строительство нескольких полигонов, которые призваны решить мусорный кризис, в Северобайкальске и других городах должны быть построены сооружения для очистки бытовых стоков — одной из ключевых причин негативных изменений в экосистеме озера.

По данным Минприроды, в Иркутской области заготавливается более половины незаконно добытой древесины в России. В 2017 году именно в этом регионе начнётся пилотный проект по маркировке заготавливаемой древесины, который, как уверены в министерстве, поможет справиться с «чёрными лесорубами».

Ожидается, что в 2017 году Государственная дума примет закон об ответственном обращении с животными, Минприроды РФ выпустит обновлённую Красную книгу России.

Вот такая обширная и разнообразная программа намечена Указом президента РФ. В результате её выполнения вода, воздух и почва станут чище, а значит, и жизнь людей станет лучше. Но только при одном условии — мы сами должны понять, что никакая, даже самая идеальная программа не поможет сохранить

нашу прекрасную Землю, если каждый из нас не будет её беречь. Появление экологической культуры и экологической ответственности общества и каждого его члена — вот каким хотелось бы видеть основной результат Года экологии в России.

ИНТЕРЕСНОЕ РЯДОМ

Эта статья о путешествиях нашего клуба «Масштаб +» для слепых и слабовидящих по Северо-Западному краю России.

Когда в прошлом году мы разрабатывали проект «Восхождения на высшие точки Северо-Западного региона», то и не предполагали, что охватим такую большую территорию. Члены нашего клуба «Масштаб +» слабовидящие Сергей Шарапов и Олеся Токунова совершили подъём на высшую точку Европы — гору Западный Эльбрус (5 642 м над уровнем моря). Конечно, такие далёкие поездки требуют серьёзных усилий — организационной, материально-технической и физической подготовки. Основной целью нашего клуба является организация доступности путешествий для людей с ограниченными возможностями здоровья. В Санкт-Петербурге гор нет, зато есть высокие здания, исторические памятники, на которые можно подняться, — Исаакиевский собор (101,5 м), Петропавловский собор (122,5 м), Смольный собор (93,7 м) и другие. Наш город с высоты можно ощутить в вертикальной плоскости. Тем более что реабилитационный туризм и краеведение всегда идут рука об руку.

Во время путешествий нам помогают отзывчивые люди. Они дают нам возможность получить яркие впечатления и глубже почувствовать себя в окружающем пространстве. Это инструктора по альпинизму и скалолазанию, экскурсоводы, сопровождающие ассистенты и многие, многие другие.

Так, в ноябре, уже после посещения нескольких высших точек Санкт-Петербурга, нам открылось ещё одно уникальное место. Это колокольня собора Владимирской иконы Божией Матери — высота звонницы колокольни — 40,5 м. В этом соборе нам посчастливилось побывать в школе звонарей. Руководитель школы рассказал нам об истории колокольного звона в России и раскрыл некоторые секреты мастерства звонарей, объяснил устройство звонниц. Мы воспользовались уникальной возможностью реально позвонить в действующие колокола. Мы поняли, как важна работа звонаря. Интересная беседа позволила узнать то, что не в каждой книге можно прочитать. В конце же встречи мы получили подарки — леденцы на палочке «петушок — золотой гребешок». У подарка был и символический смысл. Оказывается, такие леденцы в старину на праздники дарили звонарям.

При подъёме на колокольню насладиться красотой лежащего внизу города в нашем случае достаточно трудно, поэтому важную роль играет словесное описание и рассказ экскурсовода. Зато мы можем услышать город с высоты, услышать шум ветра. В общем, понимание того, что на горы Кавказа может подняться далеко не каждый незрячий, убеждало нас в правильности идеи нашего проекта.

В декабре спортсмены с нарушением зрения из Санкт-Петербурга стали участниками Второго чемпионата России по адаптивному скалолазанию в Екатеринбурге. После соревнований сразу рванули на электричке в Первоуральск. Недалеко от города проходит официальная граница между Европой и Азией. На горе Берёзовой на бывшем Сибирском тракте установлен

первый пограничный знак. Он появился ещё в 1837 году. Так что нам удалось постоять одной ногой в Европе, а другой — в Азии.

В январе мы начали осуществлять следующую часть нашего проекта, которая заключалась в более глубоком погружении в практическую географию.

Очень доступной для посещения оказалась Ижорская возвышенность, где расположены Дудергофские высоты. Эта местность очень интересна с многих точек зрения. Местные горы создают здесь особый микроклимат, они защищают этот район от холодных ветров. У подножия высот находится Красное село. Это удивительное место по своей истории и географическому положению. Так, например, из Дудергофского озера вытекала когда-то река Лиговка, отсюда и название места — Лигово, и Лиговский проспект тоже назван по имени реки, на его месте она протекала по городу. Но её уже давно нет, так как при Петре I её засыпали, а топонимы, связанные с ней, остались.

До революции 1917 года в Красном селе располагались гвардейские части. Из-за того, что тут теплее, это место было очень привлекательным для строительства усадеб и дач. Здесь кипела жизнь элиты царской России, работал летний театр, в котором давались даже балетные спектакли. На ипподроме проводили скачки, на которых чемпионом не раз становился маршал Маннергейм. А русский лётчик Можайский испытывал здесь первые самолёты.

Во время Великой Отечественной войны на Дудергофских высотах шли ожесточённые бои. Здесь достаточно много мемориальных памятников, которые напоминают нам о подвиге защитников Ленинграда. Одним

из них является подвиг моряков крейсера «Аврора», защищавших рубежи нашего города от фашистских захватчиков. На месте боя установлен 40-метровый морской якорь и обелиск. Важно вспомнить и то, что на вершине Вороньей горы (147 м над уровнем моря) немцы установили дальнобойные орудия, которые всю блокаду обстреливали Ленинград.

В день, когда состоялся наш поход, по-настоящему наступила зима. Шёл мокрый снег, дул ветер. Поэтому подъёмы и спуски с горы мы прочувствовали очень хорошо. Несколько километров мы шли по мягкому, только что выпавшему снегу, под которым был достаточно скользкий ледок, и взошли на гору Кирхгоф (170 м над уровнем моря). Однако в условиях разыгравшейся метели мы не смогли отыскать на вершине интересный камень — расколотый на три части валун, видимо, его снегом засыпало.

Завершили мы наш поход на горе Ореховая (176 м над уровнем моря). Удивительно, но здесь растут южные каштаны и орешник, хотя по климатическим условиям они тут расти не должны. Сейчас здесь небольшой горнолыжный парк и лыжная база. Когда мы начали спускаться, то услышали за озером шум боя — это была историческая реконструкция, посвящённая Дню прорыва блокады. И мы как бы мысленно перенеслись в атмосферу того дня: звуки автоматных очередей, пушечные залпы, напор атакующих — всё это усилило наши впечатления. Вспомнился также интересный факт о «слухачах» — незрячих людях, которые во время войны были призваны на военную службу для обороны Ленинграда. С помощью звукоулавливающей аппаратуры они вслу-

шивались в небо над городом, чтобы предупредить о немецкой авиации, подлетающей для бомбёжки к нашему городу.

Через неделю наша инициативная группа штурмовала новую вершину, теперь уже в Ленинградской области. На Карельском перешейке находится Лемболовская возвышенность, высшая точка которой — гора Кивисюрья, что в переводе с финского означает Ребро камня. Когда-то здесь проходила граница между Россией и Финляндией. Выйдя из электрички на станции 67-й км, мы сразу же направились к горе. Раньше, до войны здесь была деревня Расули. Этнографы считают, что местные жители использовали воду местной реки для засолки огурцов, поэтому и название такое. Пройдя километр по дачному посёлку, мы углубились в лес, и сразу же начался подъём. По просеке, где летом была натоптанная дорога, двигаться было легче.

Помня предыдущую нашу прогулку, мы взяли с собой трекинговые и лыжные палки, с которыми движение по пересечённой местности, особенно во время ходьбы по снегу, значительно облегчается. Это спасло нас на лесной вырубке, где снег был уже по колени и под ногами встречались камни, песок и упавшие с деревьев ветки. Через пять километров мы добрались к условной вершине. Выяснилось, что рядом с горой проходит Приозёрское шоссе, поэтому особого удовольствия от восхождения, к сожалению, не было. Да и красивого вида с верхней точки, которая находится в лесу, тоже не было. Но зато прогулка по зимнему лесу, с испытанием на прочность — получилась. Впечатления были яркими. Тем более что это был солнечный день, достаточно редкий для зимы в Питере. Свежий воздух, хорошая компания

и «географическое открытие» позволили почувствовать себя успешными и удовлетворёнными.

Теперь мы собираемся отправиться в путешествие по Пулковским высотам: посетить с экскурсией обсерваторию, постоять на Пулковском меридиане и почувствовать звёздное небо.

ПРОБА ПЕРА

Татьяна Ачкасова

Ученица Грязовецкой школы-интерната

ЖДУ МАМУ

Я часто у окна сижу:
Смотрю на улицу, скучаю.
И очень маму свою жду,
С детьми другими не играю.

Смех звонкий, топот, шум и крик
Меня совсем не отвлекают,
И даже тихий двери скрип
В душе надежду пробуждает.

Взрослею я, а мамы нет.
И в чудеса уже не верю.
Не верю в радостный момент,
Что мамина любовь согреет.

Но часто снится новый дом,
Где вкусно пахнет пирогами,
С рыбалки мы идём с отцом,
Неся букет для нашей мамы.

Сон тает. Утро. Тишина.
Другие спят. Им не мешая,
Сажусь я снова у окна,
Грущу, чего-то ожидая.

Я шифр морозного окна
В окне холодном разгадаю...
Скрип двери. Поняла сама:
— За мной?
Мне радостно кивают.

Иду я с мамою теперь
И крепко руку ей сжимаю!
И ты надейся, жди и верь —
Жизнь терпеливых награждает.

Артём Медников

*Ученик Челябинской школы № 127
для слабовидящих детей*

У БАБЫ-ЯГИ

Однажды мы с бабушкой катались на лыжах. Заехали мы в незнакомые места и встретили серого волка.

Мы уже собрались испугаться, но волк заговорил:
— Не бойтесь меня, я просто хочу вам кое-что важное сказать.

Я стал дёргать бабушку за рукав, чтобы ехать назад, но волк говорит:

— Направо пойдёте — к Лешему попадёте, налево пойдёте — к Кощею попадёте, а прямо пойдёте — к Бабе-яге попадёте. За её домиком есть железная дорога, обратно сможете на электричке вернуться.

Мы сказали Волку «спасибо» и решили пойти к Бабе-яге. Подошли мы к избушке, толкнули старенькую деревянную дверь, она сама и открылась. А в избе-то сыро, холодно, всё паутиной затянуто, печь чёрная, по столу мыши бегают. Я подумал, что мы ошиблись и к Федоре попали.

Вдруг из чулана сама Баба-яга вылезла:

— Ох, наконец-то поем хоть я! Уж сто лет ничего не кушала.

А моя бабушка и говорит:

— Да как же вы, бабуля, кушать-то собираетесь? Кругом грязища такая! Заразу ведь какую-нибудь подцепите.

— Что правда, то правда, — заохала Баба-яга. — Вот как с Кощеем поругались, так весь дом прямо разваливается.

— А что поругались-то? — поинтересовалась моя бабушка.

— Да всё ему то не вычищено, то не вымыто, вот и разругались...

Мы с бабушкой быстренько стали прибираться в избе. Всё вымыли, а что могли, отремонтировали. Баба-яга даже блинов нам напекла. И решила сходить к Кощею в гости и на пироги его пригласить.

А мы с бабушкой вернулись домой на электричке, потому что очень устали. Бабушка сказала, что хоть у Ко-

щя и красивый золотой замок, но вкусных пирогов из золота не напечёшь. И Кощею, наверное, тоже тоскливо и голодно. Бабушка думает, что Кощей и Баба-яга, скорее всего, помирятся.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Надежда Пантелеева

***

Бывает день февральскою порою,
Едва лишь выйдешь утром на крыльцо,
Повеет вдруг серебряным настоем,
А снег запахнет свежим огурцом.
И так светла, и так ясна дорога,
И на душе моей такая тишь,
Что кажется, ещё совсем немного —
Вздохнёшь, раскинешь руки и... взлетишь.

***

А если я спрошу, ты мне ответишь?
Что за чудак, осенний этот ветер?
Он снова запахи весны принёс.
На улице сентябрь, а он смеётся:
Не верьте. Это май вернуло солнце,
И свежесть ливней, и тревогу гроз.
А в чувствах это может повториться?
Как в восемнадцать — люди любят в тридцать?
Как я хотела б этому поверить!
И то, что пролетело невозвратно,
Прекрасным сном, таким мгновенно кратким,
Не постучит ли снова в мои двери?

Вот и природе не чужды надежды...
Но что же ты задумчив и небрежен
И прячешь от меня глаза свои,
И говоришь устало: «Это осень...»

***

Ну что ж, довольно плакать.
Пора и меру знать.
Работа — вот лекарство,
Меня учила мать.
Что толку в этих охах,
Коль жизнь не удалась,
Не в ту рождён эпоху,
И у невежд вся власть.
Пророков не услышат
В отечестве своём.
Чем устремленья выше,
Тем тяжелей подъём.
Куда сложнее наука, —
Стряхнув догматов груз,
Судьбу свою взять в руки
И мужество в союз.
Не просто делать дело,
А душу отдавать.
Не слабой быть, а смелой
Меня учила мать.

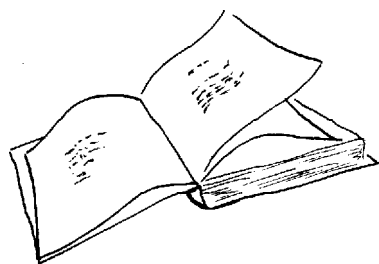
***

А в комнате моей такая тишина,
Что звукам за окном я с радостью внимаю
И, позабыв, что я совсем одна,

Как будто бы гостей заветных принимаю.
Для них я широко все двери растворяю:
Входите, я прошу, пусть будет добр мой дом,
И весел будет он, как весел ветер в мае,
И будет он светлей, чем солнце за окном.
В нём всё — от стен немых до веток в тонкой вазе —
Заждалось суеты, шагов и болтовни.
Неужто в этот дом так не войдут ни разу
Смех, песни, и любовь, и праздников огни?

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

1840 — 1893

Не будет преувеличением сказать, что Апухтин «не забыт» современным читателем благодаря часто звучащим романсам Чайковского, Рахманинова, Аренского, написанным на его стихи. Это «Ночи безумные, ночи бессонные...», «Пара гнедых», «Разбитая ваза», «Астрам». Положенные на музыку произведения Апухтина как бы заслонили собой всё остальное, что он написал. Право представлять всё творчество Апухтина эти романсы завоевали ещё при жизни поэта. Но творческое наследие Апухтина не исчерпывается одними романсами. Оно достаточно широко и многообразно.

Алексей Николаевич Апухтин родился в 1840 году в городе Болхове Орловской губернии. Детские годы поэта прошли в Калужской губернии, в родовом имении его отца. Первый биограф поэта, его друг Модест Чайковский писал: «Поэтический дар Алексея Николаеви-

ча сказался очень рано; сначала он выражался в страсти к чтению и к стихам преимущественно, причём обнаружилась его изумительная память... До десятилетнего возраста он уже знал Пушкина и Лермонтова и, одновременно с их стихами, декламировал и свои собственные».

Родители поэта принадлежали к старинным дворянским родам, поэтому Апухтин смог поступить (шёл 1852 год) в закрытое учебное заведение — Петербургское училище правоведения, где готовили чиновников для судов и министерства юстиции. В училище юный Апухтин получил признание среди учеников и преподавателей как редактор рукописного «Училищного вестника» и талантливый поэт, в котором видели чуть ли не «будущего Пушкина». В 1854 году в газете «Русский инвалид» было напечатано первое стихотворение Апухтина, посвящённое памяти адмирала Корнилова. Один из однокашников поэта по училищу сообщил в своих мемуарах, что стихотворение было написано по личной просьбе директора училища. Если так и было, то это, очевидно, единственный случай, когда Апухтин что-то писал по заказу.

Однокашником Апухтина по училищу правоведения был и П.И. Чайковский, с которым они очень подружились. Позднее Чайковский создал несколько ставших известными музыкальных произведений на слова Апухтина: «День ли царит, тишина ли ночная...», «Ни отрыва, ни слова, ни приветов...», «Ночи безумные...» и другие.

Готовясь в училище к деятельности правоведа, главным делом своей жизни Апухтин всё же считал литературное творчество. Известность Апухтина выходит за

пределы училища. В 1856 году критик А. Дружинин писал в дневнике: «Лев Николаевич Толстой представил мне мальчика — поэта Апухтина». От юного поэта уже многого ждут.

В год окончания училища (1859) Апухтин пережил тяжёлое потрясение: умерла его мать. Её образ занимает особое положение в стихах Апухтина, с ним связано представление об абсолютной доброте и неизменной любви.

В 1859 году по рекомендации И.С. Тургенева в «Современнике» был напечатан цикл стихотворений Апухтина «Деревенские очерки». Появиться в «Современнике» значило сразу стать знаменитостью. К тому же стихи пришлись ко времени: в них отразились настроения, близкие тогда многим, — это была пора ожиданий перемен, пора подготовки реформ. Руководители «Современника» связывают с Апухтиным большие надежды и ставят его имя в ряду таких писателей, как Островский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Некрасов. Честь немалая. Казалось, что после удачного дебюта Апухтин обязательно станет известным или даже знаменитым поэтом. Но в жизни всё произошло иначе.

Окончив в 1859 году училище, Апухтин служил в министерстве юстиции, но особого рвения на службе не проявлял. Он был одним из шестнадцати сотрудников министерства, кто в 1861 году подписал прошение в защиту арестованных по политическим мотивам студентов университета. Это был не героический, но гражданский поступок, и это не осталось незамеченным высоким начальством.

В начале 1860-х годов Апухтин печатается в разных журналах. Но сотрудничество с демократически на-

строенным «Современником» прекращается. Апухтин осознаёт своё расхождение с радикально настроенными «отрицателями». Свой путь к истине Апухтин мыслит как путь-подвиг, путь-страдание и представляет его не в конкретных формах сегодняшней жизни, а как служение вневременному, вечному идеалу «под бременем креста».

В беспокойное время 1860-х годов поэт не примкнул ни к левым, ни к правым. Он всё реже и реже печатается, мало пишет. Бурная эпоха не отразилась в его творчестве, как поэт он её почти «не заметил». Апухтин захотел остаться в стороне от общественной и литературной борьбы, вне литературных партий и направлений. «...Никакие силы не заставят меня выйти на арену, загромождённую подлостями, доносами и... семинаристами!» — писал он в письме к П.И. Чайковскому в 1865 году. Апухтин предпочёл остаться вне группировок и оказался вне литературы и часто называл себя «дилетантом» в литературе.

Зарабатывать литературным трудом казалось ему делом оскорбительным. После публикации в 1883 году своей поэмы «Год в монастыре» он сказал, что она «обесчещена типографским станком». Как свидетельствует современник поэта, «на вопрос одного из великих князей, почему он не издаёт своих произведений, он ответил: „Это было бы всё равно, ваше высочество, что определить своих дочерей в театр-буфф”». Во второй половине XIX века такое отношение к литературному труду было уже явным анахронизмом.

И всё же литературное творчество всегда оставалось главным делом жизни Апухтина. Он был очень взыскательным к себе и профессиональным литератором. Уже

ранние произведения Апухтина поразили читателей виртуозным владением стихом. Несмотря на заявления Апухтина о своём дилетантстве, у него были свои продуманные творческие принципы, свои авторитеты, своя эстетическая позиция. В литературе для Апухтина было два высших авторитета: Пушкин и Лев Толстой. Об этом он писал неоднократно.

Оторванность Апухтина от «сегодняшней» жизни несколько преувеличена критиками. Он умел быстро и остро реагировать на события дня, что ярко проявилось в его юмористических произведениях. Примером может послужить «Эпиграмма», где сказано, что Тимашев (в то время министр внутренних дел, скульптор-любитель) «*лепит* хорошо, но министерствует *нелепо*».

В 1865 году вышла статья Д. Писарева «Прогулка по садам российской словесности», в которой критик крайне резко высказался о Пушкине, назвав его «устаревшим кумиром», а его идеи «бесполезными». Апухтин воспринял эти суждения критика как личный выпад: он прочёл две публичные лекции на тему «О жизни и сочинениях Пушкина», в которых резко спорил с писаревской статьёй и его концепцией.

В 1860-е годы в Петербурге знают Апухтина как завсегдатая некоторых светских салонов, заядлого театрала, участника любительских спектаклей, завоевавшего признание в ролях Молчалина и Фамусова, блестящего рассказчика, автора экспромтов, но почти не знают Апухтина-поэта. Он редко покидает столицу: поездка в Святые горы на могилу Пушкина, на остров Валаам вместе с Чайковским, несколько поездок по стране и выездов за границу.

Апухтину не было ещё и тридцати, когда он тяжело заболел, следствием болезни было ожирение, которое не поддавалось лечению.

В 1870-е годы Апухтин по-прежнему мало печатается. Но стихотворения его получают всё большее и большее распространение: их переписывают, композиторы сочиняют романсы на его слова, его произведения регулярно включаются в сборники «Чтец-декламатор», их читают с эстрады. Так что, написав в стихотворении «П. Чайковскому» (1877) «А я, кончая путь непризнанным поэтом..», Апухтин был далеко не прав. К концу 1870-х годов он был литературной знаменитостью.

В 1880-е годы Апухтин регулярно печатается в различных периодических изданиях. Издатель Маркевич свидетельствует: «Апухтин, упорно отказывавшийся в течение чуть ли не двадцати лет печатать свои стихи, явился ко мне вчера и объявил, что его денежные обстоятельства ставят его в необходимость изменить это решение...»

Но и в пору своей наивысшей популярности Апухтин держится в стороне от литературной жизни. Единственное событие, ради которого Апухтин охотно изменил своему правилу, — это открытие в Москве памятника Пушкину. Модест Чайковский писал: «Очень щепетильный во всяких разговорах о деньгах, он суетится, ездит, просит, чтобы собрать сумму на памятник Пушкину и к 400 собранным рублям присоединяет из своих, по его собственному выражению, ограниченных средств 100 рублей». И один из самых горьких дней в жизни Апухтина — судя по его письмам и воспоминаниям близких ему людей — день открытия памятника, на которое его не пригласили.

За два года до смерти на Апухтина обрушился ещё один тяжёлый недуг: он заболел водянкой. А.Ф. Кони написал в своих воспоминаниях: «Последний раз в жизни я видел Апухтина за год до его смерти, в жаркий и душный летний день у него на городской квартире. Он сидел с поджатыми под себя ногами, на обширной тахте, сидел, напоминая собой традиционную фигуру Будды. Но на лице его не было созерцательного буддийского спокойствия. Оно было бледно, глаза смотрели печально. От всей обстановки веяло холодом одиночества».

Судя по свидетельствам близких, последние дни его были мучительны. Лежать он не мог. День и ночь он сидел в кресле, почти не двигаясь. Умер Апухтин 17 августа 1893 года.

***

Ни отзыва, ни слова, ни привет,
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как лёгкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Кончалось лето. Астры отцветали...
Под гнётом жгучей, тягостной печали
Я сел на старую скамью,

А листья надо мной, склоняясь, шептали
Мне повесть грустную свою.

«Давно ли мы цвели под знойным блеском лета,
И вот уж осень нам грозит,
Немного дней тепла и света
Судьба гнетущая сулит.
Но что ж, пускай холодными руками
Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь, под этими лучами,
Нам жизнь милей в прощальный час.
Смотри, как золотом облит наш парк печальный,
Как радостно цветы в последний раз блестя,
Смотри, как пышно-погребально
Горит над рощами закат!
Мы знаем, что, как сон, ненастье пронесётся,
Что снегу не всегда поляны покрывать,
Что явится весна, что все кругом проснётся, —
Но мы... проснёмся ли опять?
Вот здесь, под кровом нашей тени,
Где груды хвороста теперь лежат в пыли,
Когда-то цвёл роскошный куст сирени
И розы пышные цвели.
Пришла весна; во славу новым розам
Запел, как прежде, соловей,
Но бедная сирень, охвачена морозом,
Не подняла своих ветвей.
А если к жизни вновь вернуться липы наши,
Не мы увидим их возврат,
И вместо нас, быть может, лучше, краше
Другие листья заблестят.
Ну что ж, пускай холодными руками

Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь, под бледными лучами,
Нам жизнь милей в прощальный час.
Помедли, смерть! Ещё б хоть день отрады...
А может быть, сейчас, клоня верхушки ив,
Сорвёт на землю без пощады
Нас ветра буйного порыв...
Желтея, ляжем мы под липами родными...
И даже ты, об нас мечтающий с тоской,
Ты встанешь со скамьи, рассеянный, больной,
И, полон мыслями своими,
Раздавишь нас небрежною ногой».

АКТЁРЫ

Минувшей юности своей
Забыв волненья и измены,
Отцы уж с отроческих дней
Подготавливают нас для сцены.
Нам говорят: «Ничтожен свет,
В нём все злодеи или дети,
В нём сердца нет, в нём правды нет,
Но будь и ты как все на свете!»
И вот, чтоб выйти напоказ,
Мы наряжаемся в уборной;
Пока никто не видит нас,
Мы смотрим гордо и задорно.
Вот вышли молча и дрожим,
Но управляемся мы скоро
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлёра.
И говорим мы о добре,

О жизни честной и свободной,
Что в первой юности поре
Звучит тепло и благородно;
О том, что жертва — наш девиз,
О том, что все мы, люди,— братья,
И публике из-за кулис
Мы шлём горячие объятья.
И говорим мы о любви,
К неверной простирая руки,
О том, какой огонь в крови,
О том, какие в сердце муки;
И сами видим без труда,
Как Дездемона наша мило,
Лицо закрывши от стыда,
Чтоб побледнеть, кладёт белила.
Потом, не зная, хороши ль
Иль дурны были монологи,
За бестолковый водевиль
Уж мы берёмся без тревоги.
И мы смеемся надо всем,
Тряся горбом и головою,
Не замечая между тем,
Что мы смеялись над собою!
Но холод в нашу грудь проник,
Устали мы — пора с дороги:
На лбу чуть держится парик,
Слезает горб, слабеют ноги...
Конец. — Теперь что ж делать нам?
Большая зала опустела...
Далёко автор где-то там...
Ему до нас какое дело?
И, сняв парик, умыв лицо,

Одежды сбросив шутовские,
Мы все, усталые, больные,
Ленивоходим на крыльцо.
Нам тяжело, нам больно, стыдно,
Пустые улицы темны,
На чёрном небе звёзд не видно —
Огни давно погашены...
Мы зябнем, стынем, изнывая,
А зимний воздух недвижим,
И обнимает ночь глухая
Нас мёртвым холодом своим.

МУХИ

Мухи, как чёрные мысли,
                                весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!
Чёрные мысли, как мухи,
                                всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну,
                                а уж в сердце впила­ся другая, —
Вся вспоминается жизнь,
                                так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить,
                                а всё любишь сильнее и больнее...
Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

***

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнём озарённые,
Осени мёртвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шёпотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

***

Мне не жаль, что тобою я не был любим, —
Я любви недостойн твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим, —
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и налил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим, и к слезам, и к мольбам
Оставалась ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Моё сердце сжигал и томил,
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

***

Я её победил, роковую любовь,
Я убил её, злую змею,
Что без жалости, жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободен, спокоен опять —
Но не радостен этот покой.

Если ночью начну я в мечтах засыпать,
Ты сидишь, как бывало, со мной.
Мне мерещатся снова они —
Эти жаркие летние дни,
Эти долгие ночи бессонные,
Безмятежные моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихим смехом твоим озарённые.
А проснулся я: ночь, как могила, темна,
И подушка моя холодна,
И мне некому сердца излить.
И напрасно молю я волшебного сна,
Чтоб на миг мою жизнь позабыть.
Если ж многие дни без свиданья пройдут,
Я тоскую, не помня измен и обид;
Если песню, что любишь ты, вдруг запоют,
Если имя твоё невзначай назовут, —
Моё сердце, как прежде, дрожит!
Укажи же мне путь, назови мне страну,
Где прошедшее я прокляну,
Где бы мог не рыдать я с безумной тоской
В одинокий полуночный час,
Где бы образ твой, некогда мне дорогой,
Побледнел и погас!

Куда скрыться мне? — Дай же ответ!!
Но ответа не слышно, страны такой нет,
И, как перлы в загадочной бездне морей,
Как на небе вечернем звезда,
Против воли моей, против воли твоей,
Ты со мною везде и всегда!

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Наталья Волкова

СТРАДАНИЯ ПО ПИРОГУ

Нет сегодня совсем настроения.
Может, встала не с той я ноги,
Но такое весь день впечатление,
Что повсюду одни пироги!

Люстра — это пирог именинный,
Свечи встали на нём — ровно шесть!
Я гуляю по комнате чинно
И мечтаю пирог этот съесть.

Шляпа мамина — это капустный,
С детства самый любимый, пирог.
Он такой аппетитный и вкусный —
Отказаться никто бы не смог!

Ночью снился пирог мне вишнёвый,
Я его разрезаю — и в рот!
А пирог снова целый, как новый,
На тарелке огромной растёт.

Я полгода сижу на диете:
Балетмейстер мой грозен и строг,

Говорит: «Раз танцуешь в балете,
Даже думать не смей про пирог!»

СЛОВА В МЕШКЕ

Шёл по улице странный чудака,
То словами сорил просто так,
То на ветер бросал он слова,
Прорастали они, как трава,
А порою и вовсе чудил —
Он слова через сито цедил!

Шла я следом с огромным мешком
И слова подбирала тайком.

А когда стал набитым мешок,
Получился вот этот стишок.

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Поставили в поле
Открытую дверь.
Здесь вход или выход?
Вот думай теперь!

И все удивлялись:
— Зачем здесь она?
Ведь в поле открытая дверь
Не нужна!

Стоял рядом с дверью
Ботаник-чудака.

Он в рупор кричал
Приблизительно так:

— Сегодня у нас —
День открытых дверей!
Сюда! Торопитесь,
Бегите скорей!

Я вам расскажу
Про цветы, про зверей,
И птиц покажу
В День открытых дверей!

Хотя бы на часик
Сюда загляните —
Ждёт много вас новых
Чудес и открытий!

ГОЛОВА В ОБЛАКАХ

Как-то утром небоскрёб
Облака руками сгрёб,
От ушей — до чердака
Он ушёл за облака.

Наверху — денёк погожий,
Ни трамваев, ни прохожих,
Ни гудков и ни моторов,
Бесконечных разговоров.
Только свет и облака...
И... тоска, тоска, тоска...

И, подумав, небоскрёб
Облака опять разгрёб.

БУДКА

Распахнул щенок калитку
И наткнулся на улитку:
«Это что ещё за шутка?!
На спине у зверя — будка!»

Но, промокнув в дождь до нитки,
Позавидовал улитке:
«Научиться бы и мне
Бегать с будкой на спине!»

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

Сижу на кровати
В носках и пижамке
И строю, и строю
из воздуха замки.
На лошади рыцарь,
Изящно гарцуя,
От дамы воздушного
Ждёт поцелуя.
Король обожает
Воздушные сливки,
Воздушный дракон
Носит всех на загривке.
В тех замках воздушные
Есть галереи,

В них — вместо полотен —
Воздушные змеи.
И если попасть
В эти замки вам нужно,
То можно!
Но только на шаре
Воздушном!

Сергей Георгиев

КОШАЧЬЕ ЗАКЛИНАНИЕ, ИЛИ ДРУГ ПЕРЕЛЁТНЫХ ВОРОБЬЁВ*

ГЛАВА 35

ПОДАРОК МИНИСТРА

Капало с крыш; солнечные зайчата бес-
толково прыгали со стен домов на пыль-
ные, невымытые стёкла окон, в последний
момент уворачиваясь от падающих сосуллек.

По тротуару, тяжело сопя, рывками пере-
двигалась странная пара: рыжебородый моряк Иван Алек-
сеевич Бубенцов и неизвестный нам до настоящего вре-
мени человек в форме старшего лейтенанта милиции.

— Побыстрее, пожалуйста! — торопил милиционера
дядюшка Бубенцов, подёргивая свой угол брезента. —
Может быть, именно в эти минуты всё решается!

— К нашему большому сожалению, — старший лей-
тенант, по всей видимости, продолжал разговор, нача-

---

*Окончание. Начало читайте в № 2 за 2016 г.

тый за углом, — к нашему большому сожалению, я не могу арестовать вас за неправильное применение оружия... Вы же его ещё и не успели применить... К сожалению, документы на оружие тоже в порядке...

— Мне было крайне приятно побывать у вас в милиции! — едва сдерживая себя, вежливо продолжал разговор моряк Бубенцов.

— Конечно, может быть, у вас на флоте так и положено, чтобы пушки во все стороны торчали, — осуждающе пыхтел милиционер. — Но в поездах и автомобилях подобное не предусмотрено инструкциями! Вы должны постепенно привыкать к нормам и правилам сухопутной жизни...

— И народ у вас в милиции работает приятный, интеллигентный! — заскрипел зубами моряк. — Ну, быстрее же!

— На оружие у вас разрешение имеется, это хорошо... — вроде с каким-то сомнением проговорил милиционер.

— Да как же иначе! — Бубенцов с такой силой рванул брезент вперёд, что старший лейтенант едва удержался на ногах. — Наградное оружие, подарок министра!

Вновь обретя равновесие, старший лейтенант со странным чувством уважения и в то же время глубочайшего сожаления скосил глаз на казённую часть пушки, где, словно в подтверждение слов моряка, было нацарапано гвоздём: «Дорогому Ванюше Бубенцову от его лучшего друга министра. Носи на здоровье».

— Ежели министром велено — носите... — немного помолчав, вновь печально вздохнул милиционер. — Мне же помочь вам подсказывает моя совесть...

— Спасибо, — искренне поблагодарил офицера моряк.

— Только у меня к вам, гражданин Бубенцов, будет одна маленькая просьба... — деликатно продолжил старший лейтенант. — Вы уж с пушкой поосторожнее, оружие как-никак... На людей, значит, не стоит наводить... На общественные здания и памятники культуры...

— Да какой может быть разговор! — незаметно прибавляя скорости, прогудел с готовностью Бубенцов.

— И самое главное! — Милиционер хотел строго поднять вверх указательный палец, но обе руки у него были заняты ношей. — Самое главное: держите оружие подальше от детей!

— Да какой... — чуть не сказал героический моряк, но не успел...

— Дядя Ваня! Дядя Ваня! Это же мой родной дядя Ваня наконец приехал! — заполнил внезапно всю улочку пронзительный мальчишеский голос. — Это дядя Ваня приехал и пушку мне в подарок привёз!

Кругленький, розовощёкий мальчишка выскочил словно из-под земли и бросился на шею бородатому моряку. Заслуженное оружие с грохотом брякнулось на мокрый, с остатками снежной кашицы асфальт.

— Э, осторожнее! — от неловкости смутился дядюшка Бубенцов. — Витёк, а поздороваться со всеми?

— Здравствуйте, товарищ милиционер, — дрыгнул ногой мальчишка. — Ур-ра, мой дядя Ваня приехал!

— Та-ак, — насторожился старший лейтенант. — Вообще-то надо бы составить список детей, проинструктировать их и категорически, под расписку запретить баловаться с оружием...

— Да это мой племянник, Бубенцов Витя, — объяснил моряк.

— А тот? — Дёрнул подбородком в сторону милиционер.

Возле лежащей на тротуаре грозной гарпунной пушки уже стоял второй мальчишка, тощий, высокий и нескладный.

— Это... — Внезапно и без того розовощёкий Витька Бубенцов покраснел, как помидор. — Дядя Ваня, ты только не удивляйся... Это ещё один твой племянник... То есть с виду он как бы Пашка Мошкин, мой лучший друг...

— Та-ак, — озадаченно поскрёб в затылке моряк Бубенцов. — Племянник, значит... Пушечку-то я в подарок всего одну привёз...

— И много ли у вас вообще племянников, гражданин Бубенцов? — подозрительно поинтересовался милиционер.

— По-разному, когда больше, когда меньше... — сам ничего не понимая, растерянно отозвался Иван Алексеевич.

— Извините, я пойду... Пока все ваши племянники не соберутся! Поскольку законом это не запрещено! — Старший лейтенант козырнул и, сделав поворот кругом, не разбирая дороги, чеканным строевым шагом прямо по лужам отправился к себе в отделение.

— Наверное, он чего-то недопонял... — чужим, высоким и срывающимся голосом начал моряк, когда они остались на тротуаре втроём. — Кхе-кхе! Вообще-то он человек, видимо, неплохой, этот офицер милиции...

— Витька! — перебивая дядю, заорал вдруг тощий и нескладный «второй племянник». — Вот оно! Вот же оно!

Тыча пальцем в брошенную на асфальт пушку, он схватил пухленького Виктора Бубенцова за плечо, тряс его, как грушу, и кричал:

— Вот что нам нужно! Пушка будет лежать в музее под стеклом! А он, он будет его охранять! Понимаешь?!

— Рогатка! — ахнул Виктор Бубенцов. — Ещё рогатка, Пашка, рогатка! У нас есть ещё рогатка!

— Точно! — Павел Мошкин выхватил из кармана так и не пригодившуюся в деле рогатку. — Это будет музей... ненужного оружия!

ГЛАВА 36

ШАРИК ВЕРНУЛСЯ!

Валерий Иванович Кириллов очень глубоко прочувствовал торжественность нового поворота своей жизни. По этому случаю он принарядился и помолодел лет на сорок. Выглядел сейчас волшебник чуть постарше дяди Вани Бубенцова, и на лице его тоже для чего-то красовалась небольшая аккуратная бородка, только не рыжая, а чёрная с голубым оттенком. В тон бородке Валерий Иванович подобрал пиджак и галстук.

— Нет, а вы меня спросили, согласен ли я? Хочу ли я тут жить? Нет, спросили, а? — бурчал он себе под нос, оглядываясь в узенькой комнатушке, которая невесть для чего долгие годы пустовала в школе, неудобно расположенная в конце коридора.

Голос Валерия Ивановича поскрипывал от недовольства и раздражения, всем своим видом он выражал неодобрение глупым инициативам двух мальчишек и их дяди-моряка. Но от внимательных взглядов гостей не укрылось, как любовно и бережно похлопывал старый волшебник покрытые масляной краской голые стены комнатушки.

— А может быть, мне нравилось нигде не жить! И прописки не иметь! — продолжал Валерий Иванович в том же капризном духе. — Р-романтика, понимаете ли! Это вам не чужие пушки караулить!

— Видите ли, — вмешался наконец в монолог волшебника Иван Алексеевич. — Музей — дело государственное, всенародное! Школьный музей с гарпунной пушкой, как я понимаю, пока единственный в нашей стране!

— А то я не знаю! — совсем разобиделся Валерий Иванович. — Может, я бы на флоте послужил, так и меня бы такой же наградили!

— Непременно наградили бы! — подтвердил Иван Алексеевич.

— Ну вот! — разошёлся волшебник. — Может быть, мне лучше сразу и пойти в матросы, а не... заведовать нашим музеем? Или я здесь директор, не заведующий?

— Директор, конечно же, директор! — в один голос, не раздумывая, ответили оба мальчишки. — Директор музея — гораздо солиднее!

— И квартирка вроде ничего... — задумчиво оглядывался по сторонам Валерий Иванович. — Крыша, мяу... то есть тьфу, я хотел сказать, хорошая?

— Замечательная! — не моргнув глазом, выпалил толстенький Витька Бубенцов. — Правда, Паш?

— Точно! — подтвердил Павел. И вдруг прикусил язык. — Только на крышу никого не пускают...

— Что вы говорите, что вы такое говорите! — заинтересованно промурлыкал Валерий Иванович. — Как же, помню, зелёная такая, крытая жестью!

— Есть, конечно, одна проблема, — нахмурившись, вступил в разговор моряк Бубенцов. — Как мы объясним директору школы, на каком основании заняли эту комнату? И вообще, как здесь очутились...

— Сквозь стену прошли! — фыркнул волшебник. — Или они сами чёрный ход забыли закрыть!

— ...не имея на то разрешения, поздно вечером... Правда, у меня есть один хороший знакомый в милиции, старший лейтенант, — на оптимистической ноте закончил Иван Алексеевич.

— Ещё директору школы что-то объяснить! Тоже мне, директор! — запетушился вдруг старый волшебник. — Кенгурой этот ваш директор ещё не бывал?! Или правильно говорить «кенгуром»?!

— Она женщина, наш директор школы, — подсказал Витька Бубенцов. — А правильно говорить «кенгуру», слово не склоняется!

Валерий Иванович сконфуженно затих.

— Пушку необходимо регулярно смазывать, — поспешил переменить тему разговора старший Бубенцов. — Ружейным маслом. Если такового не окажется, можно подсолнечным.

— Вот здесь вот я поставлю электроплитку и буду жарить оладушки, — облизнулся Валерий Иванович при

упоминании о подсолнечном масле. — Дивана у меня не будет, на мягком спать вредно! В углу поставлю телефонный аппарат... Мой номер 340-74-95! И совершенно не секретный, пусть звонит, кто захочет!

— Да, но ведь осталось ещё одно важное дело, дорогой Валерий Иванович, — глядя волшебнику прямо в глаза, заговорил Иван Алексеевич. — С вами как будто теперь полный порядок...

— Это вы о пустяках каких-то всё время болтаете! — скривился хитрый волшебник. — Ну, сколько, думаю, можно! А они всё болтают и болтают! Крыши какие-то, пушки и телефоны! О главном-то когда?!

— Не увиливайте! — строго стукнул пальцем по столу моряк.

— Вот он сидит, притих в уголочке, будто его это не касается, — укоризненно вздохнул Валерий Иванович, указав рукой на Павла Мошкина. — Стыдно должно быть, молодой человек!

И волшебник, выпятив нижнюю губу, строго уставился на мальчишку в кресле.

— Это вам должно быть стыдно! — не выдержал всё-таки Витька Бубенцов. — Напревращали всех кого попало, набезобразничали, а теперь на других сваливаете!

— Постой, Вить... — перебил разошедшегося друга Пашка. — Кажется... со мной теперь тоже всё в порядке...

— Волшебники у них кругом виноваты! — заносчиво вскинул подбородок Валерий Иванович.

— Пашка? Ты чего?! — ахнул Витька Бубенцов. Он не сразу поверил своей догадке. — Ты... Ты превратился, да?

— Превратился? Назад в самого себя? — тяжело опустился на стул моряк. — Павел, когда успел?

— Не знаю... Я и сам не знаю... — растерянно развёл руками Пашка. — И не вдруг это случилось... Я ещё вчера почувствовал что-то странное... Потом ещё и ещё... Но знаешь, Вить...

Пашка совсем не по-хулигански, застенчиво посмотрел на своего лучшего теперь друга Витьку Бубенцова.

— Знаешь, Вить, что-то во мне всё-таки твоё осталось...

— Так и должно быть! — поднял вверх палец волшебник. — Как было задумано! Колдовство — наука точная!

Тут он поперхнулся, покраснел как варёный рак, а борода его сделалась апельсинового цвета.

— Это вам... от меня... на память, — вдруг вспомнил Павел Мошкин, вытащил из кармана ключ с мартышкой, отстегнул брелок и протянул его волшебнику.

— На всякий случай, — понимающе улыбнулся Витька. — Вдруг оставите невыключенной электрическую плитку, мартышка вам просигналит! Незаменяемая вещь!

Они вышли на школьное крыльцо. Проходить сквозь запертые двери было не слишком приятно, но как будто к этим ощущениям можно не привыкать, все понимали, что это — в последний раз. Холодный весенний ветер шевелил голые ещё ветки деревьев; на тёмном небе одна за другой зажигались мелкие звёзды.

От почти неразличимого в темноте пролома в школьном заборе отделилась тень, в несколько прыжков она пересекла двор и на мгновение нырнула в яркий свет уличного фонаря.

— Смотрите, собака... — удивлённо прошептал моряк Бубенцов. — Странная какая! Где-то я таких видел? В Китае, что ли? Или в Бразилии?

— Да нет, — покачал головой Валерий Иванович. — Это Шарик... из Австралии... Сам вернулся!

Сильно отощавший и мускулистый пёс, чуть заметно припадая на правую переднюю лапу, видимо поцарапанную о какую-нибудь неведомую тропическую колючку, заканчивал своё дальнейшее путешествие. Ему оставалось пробежать всего с полквартиры до дома, где жил будущий чемпион мира по боксу Вадик Градобоев...

Вот и всё! Приятная компания из школьного музея, где главным экспонатом была гарпунная пушка со старой «калоши» под названием «Тюлька», и не собиралась расходиться. Мне же было пора.

И вот старым, надёжным волшебным способом, с искрами и сухим потрескиванием, автор был доставлен куда следовало...

Тяжёлая дверь издательства была в шаге передо мной! Я с опаской толкнул эту дверь и... Как видите, ничего особенного больше не произошло.

Но мне следовало поторопиться, ведь дома меня с нетерпением ждал мой лучший друг Шарик. Ну да, тот самый, из Австралии. Ненужный в доме Вадика, вот уже несколько лет, как пёс поселился у меня. Произошло это, вы, конечно, понимаете, не без помощи Валерия Ивановича. Тогда я и узнал эту странную, запутанную историю, которая, к счастью, так благополучно завершилась.

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ, ИЛИ АЛЬБОМ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

ОТМЕТИНА НА СТЕНЕ

Несколько минут Вика звонила в дверь, снова и снова, и вот уже не отрывая пальца от кнопки звонка, удивляясь тому, что дед ей не открывает. «Уснул? Моется? Ушёл в магазин?» За те семь лет, что он встречал её из школы, такое случилось впервые. Конечно, у Вики были ключи от дома, но пользовалась она ими не часто, к тому же обо всех «форс-мажорных», как называл их дед, обстоятельствах он, бывший военный, всегда договаривался с нею заранее.

Дверь оказалась не заперта и распахнулась, лишь только Вика повернула ручку...

Тишина в квартире настораживала. Девочка сделала шаг и огляделась. На стене коридора, который они с дедом недавно оклеили голубыми обоями в полоску, красовалась рваная поперечная отметина — подсказка, ключ к тому нехорошему, что, видимо, случилось тут, если верить Агате Кристи...

В чём в чём, а в наблюдательности Вике отказать было нельзя. Она мигом заметила и ботинки деда, стоящие в углу прихожей, и синюю его куртку на вешалке.

— Де-ед! — крикнула Вика.

Из соседней квартиры, запахивая на груди кофту, вышла соседка, о которой Вика давно составила мнение: «клуша».

— Вот и хорошо, что ты пришла, Викушка. А Николая Иваныча увезли. На «Скорой». Часа два назад.

— Куда?

— В больницу. С сердцем. Восемьдесят пять лет — не шутка. Он у тебя ещё герой...

— Номер знаете?

— Номер?..

— В какую больницу его увезли? Не спросили?

— Не успела, — расстроилась соседка. — Так всё неожиданно случилось...

Они помолчали.

— Проходи, пообедаем вместе... Я котлет нажарила...

— Спасибо, нет, — оборвала её Вика.

— Ну, если что... А то и ночевать приходи. Одной-то тебе страшно будет, — сочувственно сказала соседка. — Маме позвони. Она ведь у тебя в Одессе живёт?

Вика молча повернулась и пошла к себе. «Скорая». Вот разгадка всему. И открытой двери, и рваным обоям на стене. «Носилками задела», — подумала Вика. И эта мысль о беспомощном, распростёртом на носилках деду, всегда бодром и чисто выбритом, всколыхнула её так сильно, что она едва удержалась, чтобы не зареветь в голос.

В комнату из распахнутой настежь форточки несло холодом. Жёлтая жестяная коробка, в которой дед хранил лекарства, была вытащена из шкафа и стояла на краю стола. С неприбранного дивана свисал его любимый свитер с оленями.

Вика закрыла форточку, подняла с пола рассыпанные таблетки.

Звонок.

Вика бросилась к телефону.

— Алё!

Чужой женский голос сказал:

— Позови кого-нибудь из взрослых.

— Пожалуйста, обращайтесь ко мне на «вы», — попросила Вика.

— Кем вы приходитесь Смирнову Николаю Ивановичу? — чуть помедлив, спросил голос.

— Внучкой, — ответила Вика.

— Вам звонят из пятьдесят седьмой больницы. Сообщаем, что ваш дедушка, Смирнов Николай Иванович, в 12.45 скончался от сердечного приступа.

ДЕД

Строго говоря, приходился он Вике прадедом. Дедом называла его мать Вики. Дедом вслед за ней стала звать его и Вика. Жил он в Москве, и впервые девочка увидела его года в четыре. Обрывочные ранние её воспоминания о приезде деда в Одессу по случаю второго замужества мамы сводились к ощущению: «С дедушкой мне было хорошо». Они много гуляли, серьёзная маленькая девочка и красивый седой старик. На них с удовольствием оглядывались прохожие. Вика помнила и тёплый от солнца асфальт, и первую траву, и цветы мать-и-мачехи, и «дракона» — затейливую трёхголовую корягу на одесском пляже. В формочках для куличиков Вика несла дракону песочные «торты», украшенные камушками и травой. Дед кивал одобрительно, гладил дракона то по одной шее, то по другой. «А что он будет кушать зимой?» — спросила однажды Вика, и дед, пряча улыбку, ответил: «Не останется голодным. Кого-нибудь слопает, на то он и дракон». Вика критически взглянула на деда, а потом, по-детски махнув в его сторону ладошкой, сказала: «Ну-у... Дедушка, с тобой ни о чём нельзя разговаривать серьёзно!»

Погостив несколько дней, дед уехал — а жизнь продолжилась, пусть и не такая интересная, как с ним, но вполне терпимая. Натягивание колготок по утрам, детсадовские занятия, компот через макаронину, тихий час и прогулки с группой «на своей территории». Что до жизни домашней, то и с дядей Володей, маминым мужем, Вика поначалу ладила. Дядя Володя был человеком, как считали все, добрым, и даже с рождением маленького Никитки хуже относиться к Вике не стал. Покупал для неё мандарины, сводил пару раз в кукольный театр и даже улыбался ей искренне.

Всё изменилось после неприятного случая. Вика лежала тогда с ангиной. У неё нестерпимо драло горло — и плач младенца очень её донимал. Мать с отчимом ужинали в кухне под телевизор, который дядя Володя обычно включал, возвращаясь с работы.

Никитка не успокаивался.

Вика осторожно спустила ноги с кровати, встала, выглянула из-за шкафа, перегородившего комнату. Так и есть. Никитка потерял соску. Вика нагнулась за ней, подняла, облизала — как мама делала! — и сунула красному от ора братишке прямо в открытый рот. И тут её крепко и зло ударили чуть пониже спины... Отчим.

Вика обернулась к нему и, глядя снизу вверх полными слёз глазами, отчётливо произнесла: «Ду-рак». И всё. Отношения закончились сразу.

ВИКА

«Токмачка», — в сердцах говорила о ней мать. Токмаков была фамилия Викиного отца. Как знала девочка из разговоров взрослых, он ушёл из семьи ещё до её рождения. Не осталось даже фотографий. Но и без них, повзрослев,

Вика поверила: она в «отцову породу». Ни круглого маминного лица, ни виноватой её торопливости, ни несчастного её свойства покрываться красными пятнами, вспыхивать от любого пустяка у девочки не было и в помине.

Та недетская твёрдость, с которой Вика держалась после ссоры с отчимом, тот бойкот, который она ему негласно объявила, поражали всех, кто бывал в их доме.

— Перед тобой, как перед большой, извинились, всё тебе про микробы объяснили, — выговаривала ей подруга матери, — а ты... Неглупая девочка, должна бы понимать...

— Оставьте её в покое, — сказал врач, к которому мать, отчаявшись, привела дочку. — Не объясняйте ей больше ничего, не ругайте.

Вернувшись от врача домой, мама кинулась варить борщ. Бросила в кастрюлю ложку соли, зачерпнула бордовое варево половником и, обжигаясь, хлебнула. Задумалась, сморщив лицо. И ещё добавила соли. И помешала. И снова хлебнула. Бросила половник в кастрюлю, выключила газ.

Вика глядела на неё молча. Как та маска индейца, что висела рядом с телефоном. Неподвижные глаза. Плотно сжатые губы.

Сели обедать. Мама налила ей борща, протянула кусок чёрного хлеба. Вика положила ложку на стол и молча пошла в комнату.

Ни встревоженные вопросы, ни ласковые просьбы, ни, наконец, поставленная перед её кроватью тарелка с любимыми макаронами не заставили её поесть.

Спустя две недели приехал дед. Поцеловав мать, подошёл к Вике. Та, как зверёк, затравленно глядела на него, ждала, что он скажет.

Дед стоял прямо, не наклоняясь к девочке, не присаживаясь на корточки.

— Ухо-Викухо, ступай ко мне жить. А?

БЕЗ ДЕДА

Страшно одной ей в ту ночь не было. Напялив на себя просторный дедов свитер, Вика долго ходила по квартире, а после, потушив свет, села перед телевизором и принялась щёлкать пультом, переключая с одного канала на другой.

На диване она и уснула, не раздеваясь, подложив под щёку диванную подушку и с пультом в руке. Словно унеслась куда-то, без мыслей, без чувств, — и сон ей приснился обычный, неплохой. В этом сне были и она, и дедушка, и летняя жара, и почему-то чай с вафлями на балконе, и соседская кошка Миледи. Кошка ходила рядом, щурилась, тёрлась о колени, выманивала кусочек. Дед наливал кипяток из чайника, шутил, отгонял полотенцем мух.

Проснулась Вика в половине восьмого, от жужжания будильника на мобильном. В окне занималось утро. Тёмно-синее, глубокое, зимнее. И сразу вспомнились вчерашние телефонные звонки, испуганный голос мамы, её торопливое обещание поскорее приехать, и причитания соседки, несколько раз порывавшейся её накормить, и наставления бабы Тани — дедовой племянницы — насчёт двери и газа...

«Не просыпаться бы, — думала Вика. — Спать и спать. Чтобы всё было, как раньше».

Она глядела на стрелку часов, подползающую к восьми, слушала, как одна за другой заводятся машины во дворе, и вспоминала, какой сегодня день недели и какой урок в школе идёт первым...

На алгебре, как всегда, не обошлось без прикола. «Из пункта А в пункт Б выехал велосипедист», — диктовала условия задачи Ромашка, она же Ольга Романовна. «На чём, на чём он ехал?» — спрашивали с последней парты. «Этого в условии не сказано», — отвечала молоденькая Ромашка, и класс взрывался хохотом. Смеялась и Вика. Ей казалось, что если продолжать жить как прежде, ходить в школу, смеяться как ни в чём ни бывало, можно обмануть время, отсрочить тот момент, когда изменения всё же наступят, и, понятно, не к лучшему.

— А т-ты н-ничего д-держишься, — догнал Вику на улице соседский Гоша, которого в школе звали только по фамилии: Кадышев.

— Ты это о чём? — подняла она в ответ брови.

— В-весь п-подъезд знает, — шмыгнул он носом.

— И что? — сухо спросила она.

— Ж-жалко. Х-хороший был человек.

Вика взглянула искоса на Гошку. И тон, и лицо его не оставляли никакого сомнения в том, что говорит он от души.

— А ты с рождения заикался? — спросила Вика. — Или испугал тебя кто?

— П-петуха в деревне у-увидел, — ответил Гоша с какой-то даже гордостью.

— Петуха? — не поверила Вика.

— Мне д-два года было, — привычно объяснил Гоша и пожал плечами. — Н-ничего. Н-нормально. Й-а-а привык.

— А в школе?

— П-па-ачти не спрашивают.

Вика остановилась, обхватила рукой дерево и принялась хохотать, пока не выступили слёзы. Вика смахнула их vareжкой.

Некоторое время они шли рядом, с интересом поглядывая друг на друга.

— А-а-адесса в-весёлый г-город?

— Для кого как, — пожалала плечами Вика.

— Т-там будешь жить?

— Нет.

— С-слушай, а к-квартира п-п-п-риватизирована? — решил спросить Гоша о том, что занимало со вчерашнего вечера двор и обсуждалось вполголоса Гошкиными родными.

— Ага. На твоё имя, — ответила Вика и толкнула входную дверь.

ДОКУМЕНТЫ

Войдя в квартиру, Вика скинула сапоги, куртку и прошла к комоду, где дедушка хранил документы; выдвинула верхний ящик. Оплаченные счета за квартиру, сколотые большой канцелярской скрепкой. Ещё счета. За электричество и за междугородные разговоры. В старой кожаной сумке — паспорт, пенсионное свидетельство, удостоверение ветерана войны. Свидетельство о праве собственности на квартиру.

На дне ящика, в прозрачном пакете — гербовая бумага с голубой двуглавой птицей. Завещание. «Из принадлежащего мне имущества завещаю...» — и дальше мамино имя. «У тебя есть мама», — вспомнила Вика слова, которые дед повторял ей время от времени.

В нижнем ящике комода оказались старые ботинки, сложенные по известному правилу «пятка-носок, носок-пятка», бархатная коробочка с боевыми медалями и наградными планками, большая обувная коробка со старыми фотографическими принадлежностями, потрёпан-

ный вещмешок, который по-военному звался уважительно: сидор, — а ещё пахучий одеколон «Шипр» и много разных пакетов, крест-накрест перевязанных бечёвкой. «Академия», «Тбилиси», «Германия», «Барнаул». На одном из пакетов чётким дедовым почерком было выведено: «Вика».

Вика высыпала содержимое пакета на диван.

Несколько младенческих Викиных фотографий — из тех, что когда-то присылала деду мать; письма её из Одессы, старые Викины рисунки, школьный Викин дневник с пятёрками за второй класс, грамота за первое место в лыжном кроссе и альбом, из-за которого у Вики с бабушкой несколько лет тому назад случилась единственная серьёзная в их жизни ссора. Альбом, пропавший с глаз долой и о котором Вика уже не вспоминала.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Была в младших классах Викиной московской школы традиция: сразу после торжественной раздачи конфет именинник шёл с пакетом по классу и каждый опускал ему в пакет что-нибудь. И пусть ничего особо ценного в этих подарках не было... Целый год малыши ждали — каждый своего праздника, ну когда же, когда... Одиннадцатого мая обходила одноклассников и Вика. В третьем классе помимо прочего «богатства» — кучи брелочков, фломастеров и мягких игрушек — ей в пакет положили этот альбом.

Идея созрела у Вики по дороге домой внезапно, сама собой...

— Дед, можно взять фотографии из ящика? Я их в альбом наклею.

Фотографий было много, особенно новых, с Викой. Эти дедушка снимал «цифрой». Фотографии школьные, праздничные, лагерные и дачные (в гостях у бабы Тани). Помимо этих, в чёрных фотографических паке-тах хранились у деда и другие снимки: старые, чёрно-белые. Фотографии без уголков, потрескавшиеся, тус-клые. Дед порой доставал их из ящика и охотно, под-робно рассказывал о каждой. Особенно Вика любила слушать о той, старой, где он в обнимку с двумя та-кими же, как он, мальчишками — соседями по комму-нальной квартире — сидит на белом полотняном дива-не.

— Вот с этим, Димкой его звали, — вспоминал дед, — мы в тридцать четвёртом году зимой ловили лису... Услы-шали, что под Москвой, на станции Тарасовская, кто-то видел лису... большую, рыжую... Взяли с собой верёвку...

— Зачем верёвку? — замирала от сладкого ужаса Вика.

— Не голыми же руками лису ловить, — объяснял дед.

— И?.. — замирала Вика. Хотя много раз слышала и о Ярославском вокзале, на который «два глупых паца-на» от Красных ворот отправились пешком, и об элект-ричке, в которую они сели «зайцами», потому что денег у них не было.

— А вот этого, Павлика, — дед щёлкал пальцем по фотографии, — мы с собой не взяли. Он в школу ещё не ходил и трусоват был для такого серьёзного дела...

Вика вглядывалась в Павлика...

— А потом? — спрашивала она, заранее зная ответ.

— Потом, — продолжал дед, — мы ходили по лесу. Долго ходили... Замёрзли, устали, едва не заблудились. Вышли поздно вечером к станции — а там уж нас ждут. Родители в милицию обратились.

— Павлик вас сдал? — суживала глаза Вика.

— Он. Обиделся и слово за слово рассказал всё своей бабушке. Куда мы уехали и зачем. Та звонить моей матери на службу...

— А потом?

— Потом, — вздыхал дед, — меня соседки на кухне долго донимали: «Поймал лису?» Ну, и от отца влетело мне тогда крепко...

— Бил? — ахала Вика.

— Да уж всыпал ремнём... По первое число! — качал головой дедушка.

— Родной отец? — допытывалась Вика.

— Между близкими людьми чего не случается, — серьёзно отвечал дед, — жизнь длинная.

ССОРА

Вика вспомнила, как, вернувшись в тот счастливый день с пакетом из школы, она новыми фломастерами уверенно и красиво вывела на обложке новенького альбома: «АЛЬБОМ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ».

Дальше дело пошло не так быстро. Рассматривая фотографии по одной, она какие-то оставляла, какие-то откладывала в сторону. Вспоминала, обдумывала, нахмутив лоб. И наконец взяла в руки ножницы. Вырезала, убрала с той фотографии, где трое мальчишек, предателя Павлика. Наклеила искромсанную фотографию в новый альбом, сразу после той, целой, где маленький дедушка рядом с деревянной лошадкой.

Из всех семейных дедовых фотографий выбрала ту, на которой он был снят без отца, с одной матерью. Не тронула ножницами фронтовые снимки деда, наклеила их в альбом все — ведь дед не отзывался ни о ком из

фронтowych друзей плохо. А вот снимкам цветным, на которых были те, кого Вика знала не только понаслышке, досталось крепко. Вика резала их решительно, оставляя от некоторых лишь рожки да ножки.

За этим увлекательным занятием и застал её дед. Секунду или две стоял он над внучкой, а потом молча захлопнул перед нею альбом, прочитал название.

— Дожили, — сказал будто и не ей, ладонью сгрёб обрезки фотографий в одну бумажную горку. — Резала? Клей, как было.

На Вику точно ведро холодной воды вылили.

ТОТ САМЫЙ АЛЬБОМ

Впечатление было другим. Будто глядишь на сто лет пролежавшую в шкафу старую игрушку или любимую вещь, из которой давно вырос, и в глаза бросается то, чего ты раньше в упор не видел.

И тот самый почерк, за который Вику в младших классах хвалили и которым она очень гордилась, показался ей сейчас неуверенным и детским. И возвращённый в альбом, на своё место, Павлик (вместе с дедом, помирившись, клеили!) не вызвал у неё былой неприязни, будто случайно встреченный на улице одноклассник из детского сада. Подумаешь, дрались, когда были малышами. Что с того? Сейчас взглянули друг на друга и пошли — каждый своею дорогой.

Все эти клейки на фотографиях были заметными, но не страшными. Как раны, что зажили, шрамы, что побелели. И всё же каких-то кусочков фотографий им с дедом найти так и не удалось. Вот белое пятно — на снимке, сделанном на новогоднем утреннике в школе. «Кто? За что?» — Вика уже и не вспомнила.

Жаль, что с этой, лагерной, навсегда пропал Лёша — вожатый пятого отряда, красавчик и лапочка, попросивший девчонок не шуметь в тихий час — за кино, на которое пускали только старшие отряды, — и забывший о них перед началом этого кино напрочь. А вот здесь на фото раньше стояла толстая Настя, что начала было распорядиться на её дне рождения.

— Ты у меня в гостях и будешь делать то, что я скажу, — заявила ей тогда Вика.

Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы не вмешательство деда, потащившего всех на улицу играть в лапту — игру, о которой никто из гостей и не слышал.

МАМИНЫ ПИСЬМА

«Дедушка», — с нежностью подумала Вика, и к горлу её подкатил комок. Дедушка... Самый лучший, самый-самый. Семь лет она чувствовала себя с ним как за каменной стеной. А что дальше? Куда теперь?.. Не к бабе Тане же? Вика вспомнила тяжеленную шубу с капюшоном, которую та приволокла ей недавно, уговаривая надеть. «В курточке зимой холодно, да и штанишки тебе, девочке, нужны тёплые». — Вика досадливо поморщилась...

Семь лет они жили с дедом душа в душу; одинаково любили гречневую кашу, не тужили, если сыра к макаронам не было, — ели макароны так, с подсолнечным маслом и сахарным песком... А что теперь? Эти жирные щи, которые готовит баба Таня? Их, что ли, хлебать под уговоры: «Кушай, детка»? Нет, характер у бабы Тани непрошибаемый. Другая давно бы поняла, обиделась на явное Викино нежелание с нею контактировать. А эта — нет. Лезет со своей заботой и лезет. И с такой жить?..

«У тебя есть мама», — вспомнила она слова бабушки. Мама... О чём она писала все эти годы деду? Стопка маминых писем лежала рядом, только руку протянуть... Вика встала, прошла в коридор и закрыла входную дверь на задвижку. У бабы Тани (а сваливалась она к ним с дедом всегда как снег на голову!) имелся ключ от квартиры.

Вика поджала под себя ноги, устроилась на диване поудобнее...

«Дорогой дедушка!

Спасибо за письмо и за посылочку. Очень обрадовалась батончикам. Таких конфет, как в Москве, здесь не купишь. Погремушку твою повесила над самой кроваткой Вики, чтобы она училась фиксировать взгляд на близких предметах».

«В 11 месяцев и 6 дней доча пошла. Ещё недавно боялась отпускать мою руку, а вчера в парке увидела заводную машину, прошла шагов десять и осторожно села на землю».

«Вот некоторые из Викиных слов на сегодняшний день (Вике 1 год и 3 месяца): Мама, па — пирамидка, няням — кошка, каяка — коляска, бука — булка».

«Книжки, что ты прислал, мы с удовольствием читаем, особенно нравится «Айболит», вот это место: «И пришёл к Айболиту Барбос. МЕНЯ КУРИЦА КЛЮНУЛА В НОС!» Последние слова Вика повторяет и смеётся. И трёт свой носик».

«Поблагодари тётю Таню за шапку, её подарок Викачке впору».

«В четыре года и два месяца Вика научилась кататься на двухколёсном велосипеде. Сама села и поехала. Упала на повороте и даже не заплакала. Отчаянная!»

«Дали нам в детском саду задание нарисовать капусту для Праздника урожая. Вышло не очень, Вика поглядела, сказала: «Цветок». Я позвонила Володе, и вечером он принёс нам огромный кочан капусты, поставил перед собой и замечательно нарисовал, очень похоже».

Вика помнила первый свой двухколёсный велосипед. И разбитые свои коленки. Помнила и рисунки из любимой книжки Чуковского, и Праздник урожая, на котором её наряд Капусты был признан лучшим... Этим письмом, о капусте, стопка писем и кончалась... А где же другие? Не эти, такие неожиданно милые, подробные и обстоятельные... Другие. Письма о плохом: об уходе из семьи отца, о её, Викином, разладе с дядей Володей, о том самом бойкоте... В том, что плохие письма были, Вика не сомневалась. Не просто же так забрал её в Москву дед?..

Почему же те письма он не сохранил? А может, спрятал где?.. «Тут ещё думать надо», — вспомнила Вика любимую дедову присказку.

СУББОТА

В субботу Вика ходила на ирландские танцы. Собралась и сегодня. Бросила в сумку чёрный гимнастический купальник и юбку с зелёной вставкой. Не забыла ни гетры, ни балетки, ни туфли на широком каблуке.

И, как всегда, пришла одной из первых. Переодевшись, заглянула в пустой репетиционный зал, встала у станка на своё обычное место, начала разминаться. Плие. Батман фондю. Жете. И снова плие. «И-раз, и-два...» Слегка улыбнулась показавшей ей большой палец Кате, перекинулась парой слов с влетевшей в зал Чичи.

Занятие прошло как обычно. Сначала класс, потом ирландские танцы с прижатыми к туловищу руками и неподвижным лицом. Все эти джиги, рилы и свиши очень пришлись Вике. Да и степ, который они танцевали в конце занятия в специальной степовой обуви, получался у неё здорово, с ровным чётким красивым ударом. «Ум-па-па. Ум-па-па». Но за что её действительно хвалили, так это за прыжки, за это давшееся ей от природы умение, прыгая, зависать на мгновение в воздухе.

«Ирландские танцы, — любил повторять им руководитель студии, — особенные. Это танцы фей. Полётные и воздушные, в отличие от других народных». Слыша это, девчонки считали себя избранными и старались вовсю.

Раз-два-три-четыре-пять-и, шесть-и, семь-и, восемь.

И снова. До боли в ногах и тёмных пятен на купальниках.

Раз-два-три-четыре-пять-и, шесть-и, семь-и, восемь.

— Привет, фея! — сказала Вика в раздевалке отдыхающей на скамейке Чичи. И Чичи в ответ заулыбалась ей своей широченной — рот хоть завязочки пришей! — улыбкой. Заниматься танцами они начали в одно время. Вика сразу заметила эту смешливую девочку с оттопыренными ушами, над которыми красовались две туго скрученные в ракушки косички (одна косичка была скручена слева направо, другая — справа налево). Вика мыслен-

но стала называть девчонку Чичи и позже, узнав настоящее её имя — Света, отчего-то удивилась. А Света на имя Чичи не обиделась. Характер у неё оказался под стать внешности — лёгким и радостным.

Любое дело, которое затевала Вика, оказывалось незабываемым, как удавшийся праздник, если в нём участвовала Чичи, — будь то гадание на кофейной гуще или умывание снегом.

— Что делать будем? — спросила Чичи, когда они вышли из студии. — Погуляем по «Рамстору»?

— Ходят слухи, — задумчиво сказала Вика, — что на станции Тарасовская кто-то видел лису. Большую, рыжую...

— Я только домой позвоню, что задержусь, — недолго думая ответила Чичи.

ТАРАСОВСКАЯ

Купить билеты на электричку им всё же пришлось. Без билетов их просто не пустили бы на перрон. Заплатив за проезд («туда и обратно»), они прошли через турникеты Ярославского вокзала. Дождались поезда, ехали полчаса от Москвы, друг напротив друга. Смеялись и жестикулировали, подражая языку глухонемых. А когда вышли на станции и огляделись, то увидели большой железнодорожный мост, а ещё дома и дома — по обе стороны платформы.

— Где тут лес? — удивлённо спросила Чичи. Вика неопределённо пожала плечами.

Молча пошли они по улице в ту сторону, где строения казались не такими высокими и новыми.

Погода была морозной, от холодного воздуха перехватывало дыхание. Вика натянула повыше шарф.

— А твой дедушка... Он, наверное, беспокоится? — спросила вдруг Чичи.

— Дедушка умер, — ответила Вика просто.

— Умер?! Когда? — вскрикнула Чичи и в испуге прикрыла рот ладошкой. Из глаз её покатались слёзы.

Какое-то время девочки стояли посреди улицы обнявшись. Потом Вика решительно отодвинула от себя Свету.

— Не надо. И вообще... холодно.

— Я видела тут почту, — вспомнила Чичи. — Это недалеко. Пошли.

НА ПОЧТЕ

Закрыв за собой дверь, девочки встали у батареи и несколько минут грелись, растирая покрасневшие от холода руки. На почте было по-домашнему тепло. И пусто — наверное, из-за субботы. Какой-то старик заполнял бланк почтового перевода, сидя на единственном здесь стуле. Девочки прошли за перегородку, над которой была вывеска «Интернет», туда, где перед чёрными экранами компьютеров стояли синие компьютерные кресла.

— Сначала оплатите, — сунулась к ним женщина в форменном халате.

— Разрешите нам здесь остаться, — попросила Чичи. — Мы ничего включать не будем, только погреемся.

Женщина поглядела на неё и, покачав головой, отошла.

— Грейтесь, — отозвалась она откуда-то из глубины почты.

— Викочка, и что же теперь? — шёпотом спросила Света.

— В 21.18 из Одессы прибывает поезд, — сказала Вика. — Приезжает мама. Никуда не денешься, звонит два раза в сутки. Мне и бабе Тане. Во вторник похороны.

— А какая она у тебя? — осторожно спросила Чичи.

— Другая, — коротко ответила Вика.

— Какая-какая?

— Мы не похожи, — пояснила Вика. — Я сладкого не ем, а она конфеты обожает. Батончики.

— Ты давно её видела?

— Этим летом. Но, считай, и не разговаривала с ней ни разу.

— Как? — поразились Чичи.

— Ну, сказала я ей «здравствуйте-спасибо». И ничего больше. И вообще... Она деду призналась, что боится меня.

— Ты уверена?

— Ещё бы. Она с дедом на кухне сидела, плакала. Я слышала, она ещё сказала, что отвыкла любить меня.

— Нет, нет, не может быть. Всё возвратится.

— Да что ты понимаешь! — чуть не в голос крикнула Вика. — У тебя отец...

Девочки помолчали.

— Вика, — осторожно спросила Чичи. — А ты... Как же ты теперь?

УСПЕЕМ

— Мама, наверное, решит взять меня к себе, — усмехнулась Вика, — или бабу Таню ко мне приставит. А я... я одна жить буду. Вот исполнится мне восемнадцать, я в Ирландию переберусь. Там трава изумрудного цвета. Я знаю. И люди там...

— Какие? Какие там люди? — с любопытством спросила Чичи.

— Разные. Но в основном высокие, рыжие, сильные. Весёлые... — Вика счастливо улыбнулась.

— Как в Одессе? — притворно удивилась Чичи.

— Далась вам эта Одесса, — с досадой сказала Вика.

— А как бы к этому отнёсся твой дедушка? — вдруг спросила Чичи.

Вика помолчала.

— Тут ещё думать надо, — наконец ответила она, невольно подражая дедовой интонации.

Чичи изучающе поглядела на неё, а потом потянулась к рюкзаку за мобильным — узнать время.

— Ой, — спохватилась она, — не успеваем.

— Поезд прибывает в 21.18, — сухо сказала Вика. — Так что мама доберётся до меня не раньше половины одиннадцатого.

— Идём! — Чичи решительно тянула Вику за собой. — На какой вокзал она приезжает? И как её зовут?

Слова «не твоё дело» уже готовы были сорваться у Вики с языка. Остановило её, наверное, удивление: Вика не узнавала покладистой своей подружки.

К станции они шли по тёмной улице быстро, почти бегом.

— Ждать пятнадцать минут, — сказала Чичи, изучив расписание. — Успеем.

Стоять на одном месте было холодно.

— Диагональ с полечным шагом, — негромко сказала Чичи. — Держим линию!

Сжав в кулаки руки и притоптывая, они двинулись вдоль узкой платформы. Прошли по ней до конца и повернули обратно. И так несколько раз. Слаженно, как

в репетиционном зале, под одну, столько раз слышанную мелодию джиги.

Чичи остановилась у витрины продуктовой палатки, вытащила из заднего кармана джинсов деньги — несколько бумажек, пересчитала, обернулась к Вике.

— Сколько у тебя с собой?

— Рублей сто.

— Дайте нам, пожалуйста, — улыбнулась продавщице Чичи, — кило апельсинов и коробку конфет.

Вика стала молча расстёгивать сумку.

— Кажется, шумит, — выдохнул кто-то у них за спиной.

Вдали замаячил огонёк электрички.

ПО СЛЕДАМ ВАСИЛИЯ ЕРОШЕНКО*

В ЕВРОПЕ

Уже в мае 1923 Ерошенко был в Москве, где встретился с друзьями, а также с эсперантистами. Он познакомился с председателем Союза эсперантистов Советских республик Эрнестом Дрезеном и присоединился к российской делегации на XV Международный конгресс эсперанто в Нюрнберге. Попутчики шутили, что с ними едет и китаец Ерошенко: у него был мандат от Пекинского университета.

В Германии Ерошенко сопровождал зрячий эсперантист, учитель школы слепых в Риге Интс Чаче. Позже, уже в 1965 году он вспоминал: «В 1923 году я вместе с Ерошенко участвовал в III Международном конгрессе слепых эсперантистов в Нюрнберге. Две недели мы жили в одной комнате, ежедневно принимая участие в официальных рабочих заседаниях, и вместе совершили экскурсию в Ротенбург».

Во время XV Международного конгресса эсперанто, который предшествовал III Международному конгрессу слепых эсперантистов, Василий Ерошенко участвовал в конкурсе декламаторов. Он декламировал собственную поэму «Предсказание цыганки» и удостоился первой премии за образцовое произношение на эсперанто. В поэме цыганка обращается к влюблённой девушке, утверждая, что «вечная любовь, вечное счастье — всего лишь напрасная, красивая надежда: в мире всё меняет-

---

*Продолжение, начало читайте в № 10 за 2016 г.

ся, всё проходит на земле». Цыганка предостерегает девушку, что нельзя быть слишком доверчивой и в дружбе, и в любви, нельзя забывать о существовании предательства и обмана, с которыми, надо полагать, и сам поэт не раз встречался в своей жизни.

После окончания обоих конгрессов Василий Ерошенко отправляется в Лейпциг, где как раз проходила знаменитая ярмарка. Он так внимательно ощупывал экспонаты и так подробно обо всём расспрашивал, что профессор Лейпцигского эсперанто-института был поражён, как много ему удалось узнать: «Я констатирую, что наш слепой единомышленник Ерошенко увидел больше, нежели кто-либо из зрячих!» Но не только ярмарка интересовала Ерошенко в Лейпциге, в удовлетворении своей жажды знаний и новых впечатлений он был неутомим: он посетил музей графики и стал завсегдатаем библиотеки для слепых. Из Лейпцига он едет в Геттинген и, вероятно, как вольнослушатель посещает лекции в знаменитом Геттингенском университете.

В конце декабря Ерошенко возвратился в Лейпциг и остановился у своего слепого друга скрипача Фрица Бунге. В своих воспоминаниях эсперантист О. Бесслер, лично знавший Ерошенко, пишет: «Ерошенко несколько раз выступал с речами на собраниях групп рабочих-эсперантистов в Лейпциге. Он очень эмоционально рассказывал о положении в Китае. Его рассказы были сердечными, что так характерно было для его личности». В этих же воспоминаниях находим ещё один интересный эпизод: «Так как Ерошенко слишком затянул командировку от Пекинского университета, то пришла телеграмма, что ему не будут присылать жалованье, если он сейчас же не вернётся! В свою очередь Ерошенко телеграфировал, что

никогда не вернётся в Пекин, если не станут высылать жалованье. И как следствие — жалованье прибыло!»

Как и на Востоке, личность Ерошенко вызывала у европейцев необычайный интерес. Известна открытка с изображением Василия Яковлевича, идущего с вещевым мешком на спине на фоне здания, где проходил конгресс эсперанто в Нюрнберге. Но не известно, кто был художником и издателем. Ни одного экземпляра этой открытки мне найти не удалось.

Сам Ерошенко в статье 1932 года вспоминал, что в 1924 году он был в Париже и беседовал с господином Ж. Равератом, известным издателем литературы по Брайлю и главой международной благотворительной организации, помогающей слепым. Всё это очень интересовало Ерошенко, но он был крайне огорчён, что благотворители не интересовались жизнью слепых ни в Германии, ни в советской России, когда в последней царил голод и слепые просто бедствовали.

Из других источников известно, что в Париже Ерошенко посещал библиотеку эсперанто, а также лекции в Сорбонне. В.Г. Першин, ученик Ерошенко в московской школе для слепых детей, рассказывал со слов самого Василия Яковлевича, что в знаменитом кафе «Режанс», которое в XVIII и XIX веках прославилось как центр игры в шахматы, где когда-то склонялись над шахматной доской Вольтер, Руссо, Дидро, Бенджамин Франклин, Наполеон и Тургенев, Ерошенко сыграл партию с Александром Алёхиным, будущим чемпионом мира. Не удивительно, что, пропагандируя шахматы и восхищаясь ими, Василий Ерошенко не мог удержаться, чтобы не похвастаться перед учениками, что, мол, играл с самим Алёхиным, хотя это и не характерно для этого очень скромного человека.

Летом 1924 года Василий Яковлевич направился в Вену, где в очередной раз собирались эсперантисты со всего мира. На XVI Международном конгрессе эсперанто с Ерошенко произошёл довольно громкий инцидент. Надо сказать, что в связи с подъёмом революционного движения правительства многих стран стали косо смотреть на эсперантистов. Агент венгерской полиции А. Марин в 1922 году даже создал международную организацию эсперантистов-полицейских, призванную защищать существующий порядок.

Эсперантист из Чехословакии Рудольф Крхняк в письме к своему советскому коллеге по эсперанто в 1970 году сообщает: «Я познакомился с Ерошенко в Вене во время эсперанто-конгресса в 1924 году. Во время одного заседания конгресса сообщалось о деятельности международной ассоциации полицейских-эсперантистов. Ерошенко встал, ударил кулаком по столу и закричал: „Не говорите о полиции! стыдно для эсперантистов говорить о полиции. Мы не участвуем в совещаниях, где говорят о полиции!..” И он покинул зал». Видимо, Василий Яковлевич хорошо помнил, как его преследовали полицейские в Японии и Индии.

После венских конгрессов Ерошенко решил покинуть Европу. В Гамбурге он сел на советский пароход, направляющийся в Ленинград.

НА РОДИНЕ

В обновлённую Россию Василий Ерошенко прибыл в начале сентября 1924 года. В своих воспоминаниях Э. Галвин, известный деятель ВОС, писал: «1924 год. Летний день. Рабочие ленинградской шёточной артели после обеденного перерыва принесли с собой в мастерскую свежую новость: в общежитие к Прейсу

приехал гость. Приезд товарища к проживающим в общежитии — не редкость. Но на этот раз приезжий возбудил особый интерес. Он эсперантист, поэтому и остановился у председателя общества слепых эсперантистов — Прейса. Гость — Василий Яковлевич Ерошенко странствовал долго по многим странам и согласился вечером рассказать о своих путешествиях.

В красном уголке собрались десятка два любознательных. Рассказа, в прямом смысле слова, не было. Был разговор, была беседа. Говорил Ерошенко свежим тенорком, без лишнего пафоса, теплотой и сердечностью, привлекая внимание собравшихся».

Так началась жизнь Ерошенко на родине. Из Ленинграда он направился через Москву в Обуховку к родителям, где и пробыл почти до конца 1924 года. Известно, что с 20 декабря 1924 года до конца 1926 года Ерошенко был «инструктором русского языка» японской группы студентов в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Как он туда попал? Ответ на этот вопрос находим в воспоминаниях Касуги Сицодзицо. Прибывшие японские деятели рабочего движения нуждались в переводчике, и, вспомнив о пребывании в Японии Ерошенко, Касуги настойчиво попросил отыскать именно его. По воспоминаниям Касуги, «Ерошенко проявлял усердие. Он часто с нами гулял, посещал с нами оперу, театр и кино. Для знакомства с жизнью советских людей водил нас в гости в простые семьи».

Касуги вспоминает, что однажды японцы поинтересовались, как Ерошенко относится к большевикам и Октябрьской революции. Знаменательно, что ответил он не сразу: «Ерошенко продолжал молча шагать и со вздохом, будто пытаюсь что-то рассмотреть, заговорил очень

быстро, что правительство очень хорошее, он поддерживает большевиков и помочь ему — наш долг».

В конце 1926 года японцы уехали на родину. В то время, пока Ерошенко трудился на «благо всемирной революции», в стране оживилась общественная жизнь слепых. В 1924 году начал выходить брайлевский журнал «Жизнь слепых». Инициатором издания был писатель А.П. Белоруков, работавший, как и другие, на голом энтузиазме. Помогала ему З.И. Шамина. В 1925 году было создано Всероссийское общество слепых (ВОС). Вскоре и Ерошенко стал втягиваться в общественную работу. Он занимается вопросами связи с зарубежными коллегами, работает в обществе слепых эсперантистов. В это время в стране происходит расцвет эсперанто: издаются книги, учебники, словари.

Летом 1927 года Ерошенко едет в Обуховку к родным, а затем на Кавказ в станицу Горячеводскую. Там жили его брат Александр и самая младшая сестра Нина. Осенью 1927 года Василий Ерошенко опять в Москве, и 7 ноября он присутствует на Красной площади, где торжественно отмечалось десятилетие Октябрьской революции. И здесь среди зарубежных гостей Ерошенко встретил своего друга Акита Удзяку. Это была большая радость для них обоих. Они почти целый год не расставались. Акита захотел подробнее ознакомиться с новой Россией. Вместе они побывали в Ленинграде, Нижнем Новгороде, Минске и Казани.

Есть сведения, что Ерошенко в 1928 году участвовал в республиканском съезде ВОС. Он всё активнее работает в Центральном правлении ВОС, занимаясь связями с зарубежными организациями слепых. Работал он, что называется, на «общественных началах», хотя у него и было официальное удостоверение.

Весной 1929 года Василий Ерошенко снова гостит у родных в Обуховке и узнаёт, что брат Александр находится на «краю света» — на Чукотке, его послали туда как ветеринара, и от него давно уже нет вестей. У Василия Яковлевича возникает идея отправиться на Чукотку! Вернувшись в Москву, он обратился в Комитет Севера и узнал, что на Чукотке в прошлом году открыта культурная база, и сейчас туда организуется экспедиция. И Ерошенко поспешил стать её членом в качестве корреспондента журнала «Жизнь слепых». Он надеялся разыскать брата и познакомиться с жизнью слепых в далёких арктических краях.

Во Владивостоке экспедиция погрузилась на пароход «Астрахань», взявший курс на Чукотку до посёлка Уэлен. Пароход делал один рейс за навигацию, чтобы завести продовольствие и нужные товары в прибрежные посёлки. Уже на пароходе Ерошенко прославился, став чемпионом корабля по шахматам. Первая остановка была в посёлке Анадырь. Здесь у него произошло первое знакомство с Чукоткой и со слепым рыбаком-чукчей.

Отчалив из Анадыря, «Астрахань» пересекла Анадырский залив и подошла к посёлку Лаврентия. Здесь и располагалась культбаза, её построили всего год назад. В местной школе работал учителем будущий писатель Т. Сёмушкин. В своей повести «Чукотка» он так описывает это место: «Большой залив Лаврентия глубоко врежется в материк. На левом берегу, в десяти километрах от входа в бухту, подле склона горы, вытянулись, словно по линейке, одиннадцать домов европейского типа. Это и есть Чукотская культбаза... В посёлке была баня, прачечная, общественная столовая, пекарня, строилась

радиостанция. Основные учреждения культбазы — больница-амбулатория, школа-интернат, ветеринарно-зоотехнический пункт, пушная фактория».

Вот в такую обстановку, совсем не ожидая этого, попал Василий Ерошенко. Впоследствии он так описывал свой первый день в посёлке: «Прибыв на базу, я тотчас попросил одного из помощников своего брата подробно ознакомить меня с планом базы, показать каждую тропинку к морю и тундре, к пригорку и озёрам. И вечером я уже один со своей палкой прошёлся по всей базе. Это было сверх всяких ожиданий чукчей! В полном замешательстве они лишь повторяли: „Какомей, какомей!“ (Диво, чудо). И Какомей стало моим именем в тундре».

Василий Ерошенко провёл в посёлке Лаврентия на культбазе почти год. С братом Александром он встречался очень редко: тот часто уезжал далеко в тундру, где паслись олени. Василий Яковлевич же заводит дружбу с чукчами и интересуется их жизнью. О здешних слепых он ничего не мог узнать, их почти не было: у чукчей издавна существовали варварские законы — слепых от рождения просто отправляли в «лучший мир». У Ерошенко это вызвало яростный протест, и он долго не мог успокоиться.

На Чукотке слепой путешественник собирает фольклор, записывает легенды, которые потом использует в своих рассказах. Например, в рассказ «Предназначенный жить» он вставляет народное сказание о материнстве: «...на границе двух тундр, нашей Тундры Живых и другой Тундры Мёртвых, лежит страшное и холодное озеро Вечности. И нет у него ни дна, ни границ. У этого озера стоит на страже неумолимая старуха, более древняя, чем сама тундра. Охраняя вечность, она задаёт каждой умершей женщине из тундры один и тот же

вопрос: "Есть ли у тебя, о женщина, хотя бы один ребёнок в тундре?" И когда та отвечает утвердительно, она пропускает её в Тундру Умерших.

Но если ответ отрицательный, безжалостная стражница сразу бросает несчастную в бездонное и ледяное озеро Вечности, где жизнь кончается навсегда».

В этом же рассказе Василий Ерошенко доказывает, что и здесь, на холодном и трудном для жизни Севере, слепой человек может жить полноценной жизнью, как и герой рассказа Кейгин. Мать научила его разбирать ярангу, укладывать её на нарты и опять ставить на новом месте. Она обучила мальчика обрабатывать олени шкуры и вырезать из них ремни, делать нитки из звериных жил и скручивать из них верёвки. Отец научил его делать нарты. «И Кейгин стал искуснейшим мастером во всей тундре...»

Шахматы всегда были любимым увлечением Ерошенко. Позже он писал: «Шахматной игре я научился давно и играл ещё в школе на Мещанской. Но особенно много играл в шахматы в 1929 году, когда очутился на Чукотке вместе с экспедицией. Шахматы хороши тем, что учат хладнокровию и выдержке. Промах, зевок — и сейчас же наступает возмездие, наказание в виде лишения фигуры или проигрыша партии. В этом огромное воспитательное значение шахматной игры...» Почти через двадцать лет игра в шахматы станет основой сюжета очерка о жизни чукчей «Трёхходовая шахматная задача».

Видимо, Ерошенко общался на Чукотке с Тихоном Сёмушкиным, у них было много общего: они оба интересовались литературой, оба занимались творчеством. Сёмушкин мог бы много рассказать о пребывании Ерошенко на Чукотке. Но мне, к сожалению, не пришлось с ним встретиться. Я опоздал. Когда мне удалось найти его

московский телефон, жена сообщила, что он умер несколько дней назад. Это было в мае 1970 года.

С первой же навигацией весной 1930 года Ерошенко возвращается через Владивосток в Москву. И, конечно, летом он едет к родным в Обуховку. По всей стране шла коллективизация, обстановка в родном селе Василия была весьма сложная, и вскоре он вернулся в Москву.

Естественно, что Ерошенко старался войти в писательскую среду, это отвечало его духовным интересам. Автору повествования этот период жизни Василия Ерошенко приоткрылся благодаря случайной встрече с его портретом. Как это произошло?

Когда в 1970 году я разыскивал следы Ерошенко в Москве, то случайно узнал, что в Академии художеств как раз проходит юбилейная, в честь 80-летия, выставка известного художника Евгения Кацмана. Из статьи В.Г. Першина я знал о существовании портрета Ерошенко, написанного Кацманом после возвращения Василия Яковлевича с Чукотки. Выставку обхожу с большим интересом и беспокойством. В одном из последних залов наконец-то встречаюсь с тем, кого искал. Ерошенко! Я сразу его узнал. Здоровый, розовощёкий, в пиджаке тёмно-зелёного цвета. Только вот приветствует он меня совсем невесело, без улыбки, наоборот, в какой-то болезненной задумчивости, как бы стараясь что-то припомнить. Нахмуренные брови и губы выражают неудовлетворённость то ли собой, то ли жизнью. У переносицы на лбу две глубокие складки. Глаза, конечно, плотно закрыты. Волосы светлые, волнистые, но подстриженные, не такие длинные, как он носил на Востоке.

Портрет небольшой, 48 на 39 см, написан пастелью. С 1937 года он хранится в запасниках Литературного

музея в Москве. Рядом с подписью художника дата — 17 мая 1930 года. На выставке мы разговорились с художником. Всех обстоятельств написания портрета он не помнил. И всё же сообщил ценные сведения о том, что портрет он писал в салоне так называемых «Никитинских субботников», и дал мне адрес «живого свидетеля истории» — Евдоксии Фёдоровны Никитиной. Конечно, я поспешил к ней.

Е.Ф. Никитина — известный литературовед, литературный кружок «Никитинские субботники» она создала ещё до революции. Собирались у неё не только писатели, но и артисты, композиторы, художники. Свой огромный и бесценный архив (160 тысяч архивных единиц, 16 тысяч подлинных предметов изобразительного искусства) Е.Ф. Никитина передала государству, на его основе был создан филиал Литературного музея. Там я и встретился с Никитиной. Она мне сообщила, что помнит слепого писателя Ерошенко. Его привёл к ней писатель В. Рязанцев. По традиции новый член кружка должен был представить три рекомендации, а также автобиографию и своё литературное произведение. Это сделал и Ерошенко. Она вспомнила, что он принёс две неопубликованные сказки. Но показать их она не могла: архив был ещё не разобран, вместе с сотрудниками музея она успела дойти только до буквы «Г». Евдоксия Фёдоровна предложила мне: «Приезжайте к концу года». Увы, пока я собирался, прошло три года. Хозяйки архива не стало. И судьба самого филиала была под вопросом: его открытие задерживалось.

Итак, Василий Ерошенко уже в тридцатых годах окунулся в писательскую среду, но, по-видимому, личной дружбы с кем-либо из известных писателей не заимел.

Ему надо было думать о хлебе насущном, и он принял предложение поработать преподавателем русского языка и математики в Нижегородской профтехнической школе слепых. Подробностей об этом периоде его жизни мне узнать не удалось. Но, по всей видимости, он продолжает писать, пытаясь соответствовать новой, советской жизни. Так, в журнале «В ногу со зрячими» за 1931 год опубликована его статья «За что борются слепые за рубежом». Первым долгом Ерошенко отмечает, что слепые за рубежом стремятся к объединению, создают различные союзы, чтобы совместно бороться с рутинной слепецких школ, добиваться выплаты государственной пенсии, участвовать в контроле за распределением средств, поступающих от благотворителей. По поводу государственной пенсии он пишет: «В том, что слепой является слепым, виноват не он сам, а то общество, тот общественный строй, при котором слепота, как болезнь, не только возможна, но зачастую и неизбежна. А потому вся ответственность за слепоту должна падать на общество».

Но, увы, пишет он далее, государственная пенсия как «возмещение за слепоту» выплачивается только в скандинавских странах. В других европейских странах государственную пенсию получают только военные, то есть военно-ослепшие. Так было в то время и в Советском Союзе. Ерошенко до конца своей жизни не получал пенсию по инвалидности, ему стоило больших трудов добиться крошечной пенсии за свой трудовой стаж. В этой статье он только косвенным образом мог коснуться важного вопроса о государственной пенсии для инвалидов. Слепые, читавшие тогда эту статью, всё понимали и, вероятно, обсуждали шёпотом эту проблему между собой.

В 1932 году Василий Ерошенко расстаётся с Нижним Новгородом и возвращается в Москву. Здесь как раз организуется государственная типография для издания книг и журналов по Брайлю. И, как сказано в существующей официальной справке, с 10 сентября 1932 года он работает в ней корректором. О его жизни в этот период некоторое представление даёт его статья, опубликованная в 1933 году в международном журнале незрячих эсперантистов «Эсперанто Лигило». Вот что сообщает Василий Ерошенко: «Я работаю корректором в типографии. Она является государственным предприятием. Одновременно я являюсь неофициальным переводчиком в ВОС».

Ерошенко вообще в это время много занимается переводческой деятельностью. Например, в переводе с русского языка на эсперанто у Ерошенко выходят отрывок из повести В. Рязанцева «Слепые» и рассказ Ф. Шоева «Сын».

В конце вышеупомянутой статьи Ерошенко замечает: «До мая я буду находиться в Москве...» Он явно надеется на получение отпуска, который может и затянуться. Его родители покинули Обуховку и переехали в город Орджоникидзе (сейчас — Владикавказ) к сыну Александру, который, вернувшись с Чукотки, жил теперь там.

В конце 1930-х годов обстановка в деревне была сложная, шла коллективизация и одновременно массовое раскулачивание. По-видимому, это обстоятельство и стало причиной бегства родителей Василия Яковлевича из Обуховки. В родительском доме осталась их дочь Пелагея Яковлевна Шаповалова с семьёй.

Василий Яковлевич направляется на Кавказ. По пути он останавливается на несколько дней в Ростове-на-

Дону. Михаил Павлович Кислов вспоминал о своих встречах с Ерошенко в Ростове: «Мы много беседовали о жизни. Помню, Ерошенко показывал мне брайлевскую доску из кожи с передвижной планкой. Это так называемая „дрезденская доска“. Хорошо запомнилась наша с ним дискуссия об интуиции. Суть её заключалась в следующем. Я утверждал, что интуиция — это что-то вроде инстинкта, подсказывающего, что надо делать без всякого рассудка, это моментальная мысль, без обдумывания. Как бы сердце само подсказывает... А Василий утверждал, что в интуиции больше действия разума, хотя и в сочетании с таинственным ощущением. Это чувство есть что-то ещё не вполне осознанное. Например, открытие законов в математике, закон Ньютона — не „вдруг“ догадка, она имела под собой уже какую-то базу. И вообще, в переводе с латинского „интуиция“ означает „созерцание“, вроде как Будда додумался до истины, которая не свалилась с неба, а пришла от пристального всматривания.

Я же приводил примеры, что могу, не видя, как-то ощущать впереди или сбоку яму, обрыв. Очень важна такая интуиция в горах. Ерошенко возражал, что такое чувство возникает всё же от ощущения воздуха, пространства, то есть тот же анализ опыта, подсказка трости, и простой животный инстинкт не поможет. Ещё он говорил о художественной или научной интуиции в творчестве как элементе мышления. Просто так образы, сюжет, истина на крыльях не прилетят. Хотя иногда кажется, что они явились сами по себе, от вдохновения...

Ерошенко почти убедил меня, но мне, помнится, так хотелось остаться при своём мнении. Сердце сердцем, а мозгами надо всё же шевелить...»

Василий Ерошенко продолжал путь на юг. От Ростова до Орджоникидзе пассажирский поезд добирался около суток. В Орджоникидзе собрались почти все самые близкие родственники, и Василий Яковлевич рад был встретиться с родителями, семьёй сестры Марии, брата Александра и младшей сестрой Ниной. Василий Ерошенко всегда с большой любовью относился к своим родным и хоть раз в году старался встретиться с ними.

В этот свой приезд Василий Яковлевич совершал не только длительные прогулки к Тереку, но и участвовал в походе по Военно-Грузинской дороге. Из воспоминаний Марии Яковлевны Безуглой при встрече в Харькове в 1970 году выяснилось, что экскурсию организовал их брат Александр. Он как ветеринар по делам службы закупал лошадей у ингушей, живших в Джейрахском ущелье, и имел среди них много друзей. Это ущелье ещё называют «Солнечной долиной», так как погода там сравнима только с кисловодской. Брат Александр предложил идти не по шоссе, а по старой Джейрахской военной тропе, проходившей по правому берегу Терека. Это была простая просёлочная дорога и более живописная, она шла вплотную к крутым западным склонам Столовой горы.

Мария Яковлевна и её муж взяли с собой свою восьмилетнюю дочку Наташу, которую Василий Яковлевич нёс на руках. По дороге они рвали лесную землянику. Причём больше всех собирал Василий Яковлевич, ощущая и приподнимая её листочки. Он горстями угощал свою любимую «Птичку-лиру», как он называл девочку. А на больших привалах он уходил в горы или к берегу бурного Терека, наслаждаясь его рокотом. По Военно-Грузинской дороге они прошли всего девять километров

до Солнечной долины, а по ней ещё одиннадцать до аула Ляжги. Переночевали и отправились в обратный путь, наняв подводу.

То ли под впечатлением красот Кавказа, то ли вспомнив в разговорах с братом о Чукотке, Василий Яковлевич пишет прекрасные стихи «Чукотская элегия» и «Чукотская идиллия». Оба стихотворения были опубликованы в «Эсперанто Лигило» в 1933 году.

В «Элегии» поэт раздумывает о бренности жизни и неотвратимости смерти. «И превратимся мы в пыль, все: я, моя собака, байдара...» Печальны и думы автора об алчном отношении людей к природе. «Чукотская идиллия» — это уже небольшая поэма в прозе. Её лирического героя мучают вопросы: «Почему люди творят зло? Почему сильные бывают жестокими? Почему люди такие жадные?»

В это же время Ерошенко пишет настоящую повесть «Трёхходовая шахматная задача», хотя и называет её «третьим чукотским очерком». Она была опубликована гораздо позже, только в 1947 году. Рукопись была утеряна: в поезде у него украли чемодан. С ним, слепым и доверчивым, такое случалось не раз. Потом он восстановил её, а, возможно, фактически написал заново. Пока же в «Эсперанто Лигило» в 1933 году публикуются его очерки о Чукотке «Филипп Онкудимов» и «Предназначенный жить».

*Окончание читайте в следующем
номере журнала*

ЧЕТЫРЕ МАЛЕНЬКИЕ ВЕСЕННИЕ ЗАРИСОВКИ

Тебе, мой дорогой друг, шлю эти маленькие зарисовки. Прими их как весенний подарок, как прощальный поцелуй того, кто любит тебя больше всего, и кто будет вскоре так далеко от тебя.

Апрель, 1923

УТРО

Было утро. Было красивейшее весеннее утро. Ярко сияло солнце, весело пели пичужки на деревьях, и все радовалось, лишь моя душа не радовалась, лишь мой дух был печален, лишь в сердце царил мрак. Отчего? Почему?

Не спрашивай! Этого я не скажу ни тебе, ни кому-то другому, ведь это я не хочу сказать, не могу, не должен! Это тайна ночи тёмной. Спроси ночь, спроси часы бессонные, бесконечные, спроси негромко, чтобы не слышал день... спроси, о чём тоскует слепой поэт, о чём он шепчет, о чём он плачет в ночи весенней... спроси негромко, чтобы не слышал день...

ДВА БРАТА

Я видел двух братьев, лишь один раз я их видел. Я их встретил на улице большого города. Один из них был юношей лет двадцати или чуть больше; другой — десяти- или одиннадцатилетний мальчик.

Они куда-то спешили, как все и всегда в больших городах.

Странными они казались мне в рёве и свете города. Казалось, они ничего не видели, ни людей, торопливо идущих, ни трамваев, быстро несущихся, ни ярко освещённых окон светлых огромных домов.

Они оба, казалось, думали о чём-то, позабыв всё и вся.

И вот я видел, как мальчик сжал руку своего брата, и вот я слышал, как он сказал ему:

— Брат, купи для меня маленького щенка.

— Зачем он тебе нужен? — спросил брат слегка удивлённо.

Мальчик ответил негромко:

— Он бы любил меня больше, чем ты и другие.

И вот я видел, как некая тень покрыла высокий лоб юноши; я видел, как дважды дрогнула его нижняя челюсть; я видел, как его чуть побледневшие губы что-то беззвучно прошептали.

Это всё было уже давно. Я не помню ни города, ни времени, но часто, очень часто со странным болезненным упорством я пытаюсь разгадать, что прошептали тогда чуть побледневшие губы, отчего дважды дрогнула его нижняя челюсть. И часто, очень часто и я тоже ловлю себя на том, что повторяю: «Брат, купи для меня маленького щенка, он бы любил меня больше, чем они...»

УМИРАНИЕ ИВЫ

Весенний ветерок прошёл по нашему саду. Он коснулся ласково деревьев спящих, он поцеловал любовно цветы в вазонах, заколдованные зимним холодом, и сказал им:

— Пробудитесь, весна идёт!

И все деревья спящие, все цветы заколдованные задышали глубоко, вздохнули свободно; лишь ива у моего окна продолжала дремать, печально склонившись до земли...

Солнце весеннее, вселюбящее, всесогревающее ясное солнце ласкало деревья, баловало цветы в нашем саду, говоря:

— Не бойтесь зимы, она прошла; встречайте весну счастливую, она идёт!

И всё в нашем саду возрадовалось, и всё начало одеваться в прекрасные весенние роскошные одежды; только ива у моего окна не радовалась, не одевалась на весенний праздник. Печально она склоняла ветви голые...

Розово-сияющее весеннее облачко, проплывая в высоком небе, приветствовало землю, приветствовало наш сад живительным весенним дождём.

— Наслаждайтесь жизнью, ведь прекрасная весна наступила!

Кричали капли живительные, падая из облачка розово-сияющего, и всё пробудилось, и всё запело цветками, благоуханиями гимн прекрасной весне, только ива у моего окна молчала, до земли ветви склоняя, и с ветвей катились на землю капли, похожие на жемчужные слёзы, — ива оплакивала что-то...

Был весенний вечер. Появилась Луна спокойная, грезящая; за нею одна за одной появились звёзды, спокойные, грезящие...

Лягушки запели гимн, чтобы приветствовать их с радостным интересом. Луна и звёзды смотрели на землю, омытую весенним дождём; с девичьим любопытством они заглядывали в наш сад, и всё в нём приветствовало их благоуханиями, вновь раскрывшимися почками; только ива у моего окна была печальна и с ветвей, печально склонённых до земли, всё падали капли, похожие на бриллианты, — ива плакала...

— О чём она плачет? — спросила Луна спокойно, мечтательно.

— Не знаем...— ответили звёзды мечтательно, спокойно...

На следующее утро я услышал, как хозяйка отдавала распоряжения слугам. Между прочим, она сказала:

— Срубите иву у того окна, она ведь мёртва. Я хочу посадить там другое, более красивое, более юное деревце...

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ СЛОВА

Я любил его, вероятно, больше, чем кого-либо другого, и он тоже любил меня, однако настал день, когда он сжал мою руку и сказал спокойно, без крика, без шума, совсем просто:

— Мы должны расстаться... наши цели различны; наши пути неодинаковы... забудь меня, и я позабуду тебя...

И мы расстались спокойно, без крика, без шума, совсем просто...

Много лет уж прошло после того. Я больше никогда его не видел, никогда больше не слышал о нём. Много я позабыл с того дня...

С новыми друзьями я совсем забыл о нём. Я забыл даже столь любимый мною его голос, даже полное таинственных значений пожатие его тёплой руки, даже жаркое прикосновение его пылающей щеки к моей... Я всё забыл с того дня, я всё забыл с моими новыми любимыми друзьями, но его слова звучат, звучат в моём сердце всегда, даже теперь, болью, как траурный колокол, как молот, вгоняющий гвозди в гробовую крышку... я всегда слышу:

— Мы должны расстаться... наши цели различны, наши пути неодинаковы... Забудь меня, и я позабуду тебя...

Перевод с эсперанто Юлии Патлань

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 14

МИМОЗА

Дорогие друзья!

Сегодня мы сплетём несложные, но очень красивые веточки мимозы.

Нам понадобятся бисер жёлтого и светло-зелёного цветов, проволока, более толстая для цветов и более тонкая — для листочков, флористическая лента или нитки мулине.

Цветочки мимозы похожи на маленькие пушистые шарики жёлтого цвета. На веточке они расположены достаточно густо. Чтобы бисерная веточка была похожа на настоящую, мы сделаем на ней много маленьких жёлтых петелек, которые будут напоминать шарики. Веточки можно делать и короткими, и длинными — всё зависит от того, в какую вазу мы их поставим, но в любом случае их должно быть много, чтобы букет получился пышным. Зелёные веточки выполним в технике игольчатого плетения.

Для одной зелёной веточки нам потребуется отрезок проволоки длиной 45 — 50 сантиметров. Нанизываем одну бисерину, а потом ещё шесть сразу на оба

конца проволоки — у нас получилась довольно длинная иголочка.

Теперь на каждом из концов проволоки делаем по иголочке, состоящей из пяти бисерин. Для этого набираем пять бисерин на любой из концов проволоки, а затем тем же концом проходим в обратном направлении через четвёртую, третью, вторую и первую бисерины. Делаем это очень аккуратно, чтобы иголочка не казалась оторванной от ветки. Для этого сначала протягиваем проволоку через все четыре бисерины, потом придвигаем их к первой иголочке и только после этого аккуратно затягиваем конец проволоки.

Делаем такую же иголочку на другом конце проволоки. Далее набираем две бисерины сразу на оба конца проволоки и снова делаем слева и справа по иголочке, состоящей из пяти бисерин. На веточке делаем по 5 — 7 пар иголочек, разделённых между собой двумя бисеринами. После последней пары можно набрать четыре бисерины и пятой закрепить веточку. Эту пятую бисерину нанизываем на любой из концов проволоки, а другим проходим через неё навстречу.

Теперь займёмся жёлтыми веточками мимозы.

Длина проволоки 50 сантиметров, но она может быть и больше, и меньше, в зависимости от желаемой высоты веточки. На середину проволоки нанизываем пять бисерин и подкручиваем под ними проволоку на четыре-пять оборотов. Разводим концы проволоки и делаем ещё одну такую же петельку на любом из них. Снова подкручиваем на четыре-пять оборотов.

Следующую петельку делаем на более длинном конце проволоки и выкладываем её по другую сторону от уже сплетённой. Снова подкручиваем оба конца прово-

локи. Теперь у них приблизительно одна длина. На любом из них делаем очередную петельку, но выкладываем её снова по другую сторону от только что сплетённой, то есть петельки должны чередоваться (то слева, то справа от стебля). Так наша веточка будет выглядеть более пышной. У меня на этом отрезке проволоки получилось пять пар петелек и одна центральная. Не забываем оставлять достаточное количество свободной проволоки, чтобы было что скручивать. У меня осталось сантиметров шесть.

В готовой веточке петельки прижимаем к стеблю для придания ей большего сходства с настоящей веткой мимозы.

Напоминаю, что веточки мы можем делать разной длины, в зависимости от вазочки, в которую вы хотите их поставить.

Собираем мимозу сначала в небольшие пучки и уже потом формируем букет. Общее количество веточек делим на три-четыре части, сначала скручиваем жёлтые веточки, а потом добавляем зелёные. Зелёные веточки располагаем с одной стороны, не по кругу. Теперь берём готовые пучки веточек и располагаем их так, чтобы жёлтые веточки оказались в середине, а зелёные — по кругу. Обматываем нижнюю часть букета флористической лентой или нитками мулине.

Очень красиво будет выглядеть букет, выполненный на зелёной проволоке, но можно плести и на медной.

Таковыми же петельками, но бисером белого цвета, можно плести гипсофилу. Гипсофилу часто добавляют в самые разные букеты, особенно красиво выглядят с ней букеты роз или хризантем.

Для украшения бисерных букетов можно использовать и зелёные веточки. Бывает, что не хватает зелёного бисера для плетения достаточного количества зелёных листиков, а другой не подходит по цвету или фактуре. Тогда можно наплести вот таких зелёных веточек и добавить их в букет. Главное, чтобы совпала фактура бисера, а цвет может быть и немного другим. Сразу понять всё это достаточно сложно, опыт придёт со временем.

По-прежнему жду от вас писем с вопросами, предложениями и фотографиями ваших работ.

В следующем номере мы научимся плести очень красивый цветок — гиацинт. Если у вас будет возможность, купите его в цветочном магазине и хорошенько его рассмотрите. Сейчас как раз наступает их сезон.

Ваша Лариса Андреевна